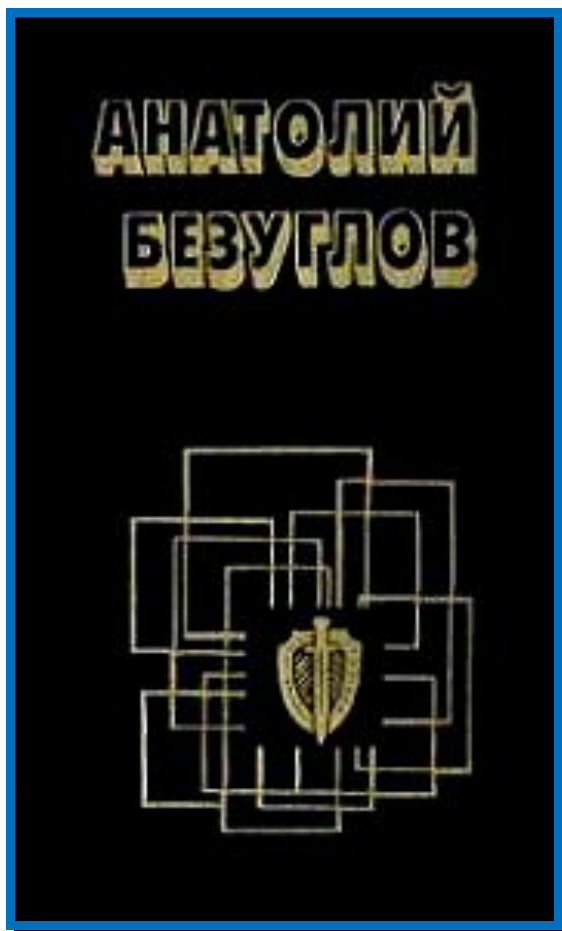

Анатолий Безуглов

ТРУДНЫЙ ПОЕДИНОК

Порой случается так, что какие-то заинтересовавшие тебя события и люди живут в твоей памяти особняком, самостоятельно, разделенные годами и километрами, а потом вдруг узнаешь об их связи, и не простой, а самой тесной, физической. Именно так было и на этот раз.

1936 год. При странных обстоятельствах исчезает жена судебно-медицинского эксперта Дунайского – молодая, красивая Нина Амирова.

1947 год. Будучи студентом Московского юридического института, я слушал лекцию начальника следственного отдела Прокуратуры СССР Льва Романовича Шейнина.

Невысокий, плотный, в коричневой генеральской форме с зелеными лампасами и узкими серебряными погонами на кителе, он, однако, не производил за кафедрой впечатления ответственного и грозного начальника, каковым являлся по своему служебному положению. Говорил без всяких

шпаргалок, любил приводить разного рода литературные сравнения, легко переходил от серьезных тем к довольно смешным историям, умел быть остроумным и едким. Словно перед ним не большая, разноликая аудитория, а давно знакомые собеседники. Не знаю, что ему помогало так увлекать слушателей, – большой опыт, личное обаяние или незаурядный литературный дар.

Тогда впервые услышал я о следствии по делу Амировой. Рассказ Льва Романовича буквально захватил всех нас, будущих юристов. Во всяком случае, на меня он произвел сильное впечатление.

1950-1956 годы. Я работаю прокурором уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР. Там и знакомлюсь со своим старшим коллегой по службе – прокурором следственного отдела Прокуратуры СССР Георгием Робертовичем Гольстом. С интересом слушаю его выступления на собраниях и совещаниях, читаю его статьи и методические наставления. От других узнаю, что Георгий Робертович в прошлом был следователем, считался асом. В 1940 году, когда ввели должности следователей по особо важным делам при Генеральном Прокуроре СССР, Гольст был назначен на эту должность одним из первых.

1982 год. В ходе подготовки к 60-летию Прокуратуры СССР, когда ветераны органов прокуратуры вспоминают дела давно минувших дней, я узнаю, что преступление, которое было совершено в 1936 году, о котором рассказывал Л. Р. Шейнин в 1947 году, расследовал тот, кто был моим добрым давним коллегой, – Георгий Робертович Гольст

Круг замкнулся и связал воедино события и людей, о которых я знал давно.

И мне захотелось рассказать о том поединке, который происходил между следователем и преступником в далеком от нас 1937 году

Когда я решил воскресить те обстоятельства, передо мной встала трудность – неумолимое время. Сорок пять лет – срок нешуточный. Для каждого из нас – целая эпоха. К сожалению, само дело разыскать в архивах мне не удалось. Но, несмотря на это, я попытался восстановить его листы, опираясь на услышанную мною лекцию Льва Романовича Шейнина, на воспоминания самого Георгия Робертовича Гольста, на его скромный личный архив, на газетные отчеты того времени, на рассказы тех, кто еще помнил эту дикую по своей жестокости историю

Итак, был один из обычных февральских дней 1937 года. Окна Московской городской прокуратуры, что помещалась в особняке на Новокузнецкой улице, в доме 27 (там она и поныне), ярко светились электрическим светом, хотя не было еще и пяти. На улице пуржило, о стекла шуршал снег Изредка доносились приглушенные трамвайные звонки.

В кабинет старшего следователя прокуратуры Георгия Робертовича Гольста то и дело заходили и выходили люди – товарищи по работе, свидетели, вызванные по уголовным делам, не умолкал телефон. И в этой обыденной суете странном, выпадающим из общего плана, был телефонный звонок

жены. Голос у нее был взволнованный и радостный:

– Представляешь, у Пашеньки двойня!...

Георгий Робертович даже сразу и не сообразил, кто она, эта Пашенька, и при чем.

– Я же тебе говорила, ну, санитарка наша!

И тут только он вспомнил: действительно, она рассказывала, что у этой самой Пашеньки была какая-то семейная драма, муж бросил ее на пятом месяце беременности, и ее опекал женсовет поликлиники, А тут – двойня! Да на руках еще престарелый отец-инвалид...

– Понимаешь,– продолжала жена уже несколько виноватым голосом,– у меня важное поручение женсовета. Я задержусь. Володю из садика придется забрать тебе.

Гольст машинально записал на перекидном календаре: «18-00 – детсад, Володя», не требуя дальнейших объяснений. Но жена сказала:

– Мы устроили складчину. На приданое малюткам. Распашонки, пеленки, коляску. Постановили, что пойду покупать я...

– Хорошо,– нетерпеливо сказал Георгий Робертович, потому что в кабинет уже заглядывала секретарь прокурора города Филиппова.– Желаю успеха.

Закончив разговор с женой, Гольст поспешил к начальству. Он вспомнил и Пашеньку, невысокую, конопатую, которую они с женой встретили как-то в Парке культуры и отдыха имени Горького.

«Что ж, задание женсовета – штука ответственная,– решил Георгий Робертович.– Причина уважительная...»

В те времена всюду проникал дух коллективизма. Совместные пикники, совместная учеба. Да и быт был в основном коммунальным. Семья Гольста жила в общей квартире. Комната – 15 квадратных метров. Что удобно – неподалеку от горпрокуратуры, на Пятницкой. Так что забрать сына из садика и отвести домой – дело пустяковое. Можно будет оставить Володю на попечение соседей и вернуться к делам. А их – невпроворот. Георгий Робертович в те дни редко уходил домой раньше двух-трех часов ночи. И такое считалось чуть ли не нормой...

Так получилось, что прокурор города задержал Гольста больше, чем на час. И когда старший следователь возвратился в свой кабинет, его ждала посетительница.

Ей было лет тридцать. В платье из недорогой шерсти, сером пуховом платке, раскрасневшаяся не то от мороза, не то от волнения, она попросила следователя прокуратуры принять ее и выслушать.

Гольст посмотрел на часы – шесть. Решив, что он еще успеет за сыном, Георгий Робертович пригласил женщину сесть.

Она несмело присела на стул, скинув платок на плечи. Короткая стрижка под мальчика. Волосы темные, густые. Лицо смуглое, глаза карие. Было в ней что-то южное, может быть, кавказское. Гольст попросил представиться.

– Тамара... Тамара Кулагина я,– поспешно ответила женщина.– По мужу...

Выговор у нее был с фрикативным «г». Так говорят на Украине и на юге

России.

– Работаю на автозаводе,– продолжала Кулагина.– Машинисткой.

Гольст уже успел обратить внимание на ее наманикюренные ногти. А рука у Тамары была широкая, крестьянская.

– Понимаете, товарищ следователь,– срывающимся от волнения голосом произнесла посетительница,– сестренка моя пропала... Нина...

– Давно?

– С полгода уже прошло.

– А поточнее вы можете сказать?

– Валериан Ипатьевич говорит, что она уехала от него двенадцатого июля прошлого года.

– Кто такой Валериан Ипатьевич?

– Как кто? – удивилась Кулагина.– Ее муж. Валериан Ипатьевич Дунайский. Да вы его, наверное, знаете. Он сам врач, но работает при МУРе, на Петровке, 38. Убитых и раненых осматривает. Одним словом, милиции помогает...

В 1930-1932 годах Гольст работал в Московском губернском суде следователем по надзору за МУРом – Московским уголовным розыском (тогда следователи еще подчинялись суду). Дунайского он помнил с тех времен. Тот действительно был судебным медиком при МУРе. Да и теперь Георгию Робертовичу приходилось иногда встречаться с Дунайским по работе. Молчаливый, сдержанный, даже немного надменный, он был при этом хорошим специалистом...

– Дунайский, говорите? – переспросил Гольст, удивившись в свою очередь, почему Тамара Кулагина пришла за помощью в прокуратуру, если муж пропавшей служит при таком учреждении, которому сам бог велел заниматься розыском пропавших.

– Ну да! – подтвердила Кулагина, доставая из ридикюля платочек, обшитый кружевами.– Одна ведь у меня сестренка,– всхлипнула Тамара, прижимая платочек к глазам.– И я у нее одна...

– Успокойтесь, пожалуйста,– мягко сказал Гольст.– Расскажите, почему вы решили, что ваша сестра пропала?

– Валериан Ипатьевич сам сказал. И заявление в милицию подал, говорит, в конце августа. Фотографии тоже передал туда... Чтобы разыскали...

– А вы что, редко встречались с сестрой?

Кулагина вздохнула:

– Раньше чуть ли не каждый день. А потом Валериан Ипатьевич стал против...

– Почему, если, конечно, не секрет?

– Почему...– Она снова вздохнула.– Молодая Нина, красивая. Младше его на десять лет. Ревновал, значит...

– К вам? – удивился Гольст.

– Да нет. Я хотела Нину на работу пристроить, а он против...

– Она что, не работала?

– Валериан Ипатьевич...– Кулагина махнула рукой.– Словом, около себя

держал... Я Нину потихоньку учила печатать на машинке... А что ей дома сидеть? Посмотрите, что вокруг делается? Девушки, чтобы быть полезными, даже на Дальний Восток едут. А он... Короче говоря, в марте прошлого года у Валериана Ипатьевича с моим мужем ссора вышла. Мой муж слесарем на ЗИСе работает. Федор его зовут... Как раз мой день рождения был, Нина с Валерианом Ипатьевичем пришла. Федор вроде пошутил. Вы, говорит, Валериан Ипатьевич, свою жену словно царевну Несмеяну в тереме держите. Тот на рожон. Я, говорит, в твой монастырь со своим уставом не лезу, и ты не суйся... Слово за слово. Сцепились, чуть не до драки дошло. Валериан Ипатьевич Нину увел. Дверью хлопнул... С тех пор я сестру не видела. Сама я, дура, не звонила, потому что она младшая и должна старшую уважать. А Нина, видимо, боялась... И вдруг к нам приезжает сам Валериан Ипатьевич. Сидим мы за столом, это было пятнадцатого июля, я запомнила, у мужа день полочки... Думаю, помирился пришел. Только удивилась, почему без Нины. А он весь серый какой-то, глаза запали. Вызвал меня и говорит: не знаю ли я, где Нина, три дня, мол, прошло, как она ушла из дома... Я удивилась. К столу его приглашаю, а он отказывается...

– Значит, с того времени полгода прошло, – заметил Гольст. – Ну, а дальше что?

– Ушел Валериан Ипатьевич. Потом звонил чуть ли не каждый день. Все спрашивал, нет ли от Нины весточки, – всхлипнула Кулагина.

– А может быть, она у кого-нибудь из ваших родственников? – спросил Георгий Робертович, подождав, пока Тамара успокоится.

– Да что вы, товарищ следователь! – отмахнулась Кулагина. – У нас из родных осталась одна мамаша. Почти слепая. Ей-то я сразу написала. Но она о Нине ничего не слышала. Не приезжала она к ней.

– Где живет ваша мать?

– В колхозе. Под Батайском.

– Вы сами оттуда?

– Мы ростовские. В гражданскую войну потерялись. Нина еще совсем малышкой была. Милостыню просили, в подвалах ночевали. – Кулагина тяжело вздохнула. – Помыкали горюшка. Хорошо еще, что воровать не стали, не сбились с пути... В детдом нас определили. Потом уж мамаша разыскала...

– Нина, насколько я понял, младше вас? – спросил Гольст.

– Да, – кивнула Кулагина. – Я старше ее на три года.

– А каким-нибудь знакомым вы писали?

– Как же, писала. И подруге нашей в Ростов, Глаше Самсоновой. Вместе в детдоме воспитывались. Она теперь учительница. И еще одной подруге в Ставрополь письмо посылала.

Кулагина раскрыла ридикюль и вынула несколько сложенных вдвое конвертов с письмами.

– Вот, отвечают, что Нина у них не была. И вообще она уже давно никому не пишет.

– А что думает по поводу ее исчезновения Валериан Ипатьевич?

– Да уж не знаю, что у него на уме. – Тамара долгим взглядом посмотрела в

окно.— Еще другую найдет. Мужики, они и при живых-то женах на сторону заглядываются... Правда, клялся мне: если Нина вернется, совсем по-другому жить станут. Если она захочет, пусть работает.

Гольст и сам знал: машинисток не хватало, везде объявления – требуется, требуется. Ни один номер «Вечерки» не выходил без объявления, что нужна машинистка, которых кое-кто еще по старой памяти называл пишбарышнями...

– Ну а сами вы как считаете? – спросил Георгий Робертович.— Могла ваша сестра бросить Дунайского и сбежать с кем-нибудь?

Кулагина даже мысли такой не допускала и потому решительно замотала головой.

– Может быть, у нее было увлечение? – продолжал следователь.

– Нина сказала бы мне,— вздохнула Тамара и вдруг, понизив голос, произнесла со страхом: – А может, ее враги, а?

– Какие? – не понял Гольст.

– Что творится-то кругом... Вон, в газетах все время пишут...

– Ну что вы,— улыбнулся Георгий Робертович.— Не тот объект для врагов...

В исчезновении Нины Амировой политических мотивов следователь пока не видел.

Гольст предложил Кулагиной написать заявление, изложить все, как было. Тамара уложилась в страничку, но главное отразила. Когда она собралась уходить, Гольст взял номер ее служебного телефона.

– Только очень прошу,— умоляюще произнесла Кулагина,— если будете звонить, не говорите, что из прокуратуры. А то подумают, что...— замялась она.

– Разумеется,— поспешил успокоить ее Георгий Робертович.

Не успела за Кулагиной закрыться дверь, как в коридоре послышались чьи-то частые шажки и в кабинет ворвался... Володя. Сын. На его сбившейся ушанке серебрились снежинки, щеки полыхали румянцем. А глазенки озорные, веселые.

– Ты?... Один?! – от неожиданности опешил Георгий Робертович, вдруг осознав, что совершенно забыл о поручении жены, и удивляясь: неужели это сын сам пришел за ним, вместо того, чтобы отец забрал его из садика.

– С мамой,— махнул рукой на дверь сынишка, важно восседая на отцовском месте за служебным столом.

Через минуту в кабинет вошла жена.

– Понимаешь, извини...— начал было оправдываться Георгий Робертович.

Но жена только улыбнулась. За годы их совместной жизни она уже привыкла к беспокойной и многотрудной службе мужа. И ей не надо было ничего объяснять.

Видя отрешенное состояние мужа, а он становился таким, когда его захватывали мысли о новом деле, жена сказала расшумевшемуся сыну:

– Пойдем, Володя. Не будем мешать папе...

– Посидите,— попросил Гольст, видимо, вспомнив, как редко он в последнее время бывает с семьей. Частенько уходит из дому, когда они еще спят, а возвращается далеко за полночь.

Присели.

– Сложное дело?– помолчав, спросила супруга.

– Не знаю,– честно признался Георгий Робертович.– Исчез человек...

– Как так? Куда?

– Жена ушла от мужа...

– А кто он? Пьяница?

– Врач. Солидный человек.

– Странно,– сказала жена.– Обычно, насколько я знаю, мужья бросают, к молодым уходят...

Она, видимо, все еще находилась под впечатлением случившегося с их санитаркой Пашенькой.

– Да как сказать...

– Ну ушла, ладно. Но при чем здесь вы? Разве следователи занимаются этим?

– Хорошо, если она жива и здорова, наслаждается жизнью,– усмехнулся Гольст.– А вот если...– Он не договорил.

Семь месяцев, прошедшие со времени исчезновения сестры Кулагиной (она носила свою девичью фамилию – Амирова), срок довольно тревожный. И он настораживал Георгия Робертовича.

– А то, что стоит за «если», ты узнаешь. Должен узнать,– убежденно произнесла жена, обняв за плечи изрядно уставшего мужа.

– Понимаю, что должен... Но вот, возьмем, к примеру, врачей. Они тоже должны. А разве у них не бывает трудных случаев? Не тот диагноз, не то лечение...

– Конечно, бывает.

– Вот именно! У врачей! У которых за плечами институт. Не то что у меня – незаконченных два курса...

– Это уже зря,– ласково сказала жена.– По сравнению с другими у тебя и опыт и образование...

Володе, видно, надоело сидеть за столом, и он побежал к отцу, взгромоздился на колени.

– Знаешь, куда мы с тобой пойдём в воскресенье?

– В цирк?– восторженно воскликнул мальчик.– Какао смотреть!

– Точно! Угадал! – рассмеялся Георгий Робертович.– Только не какао, а Коко. И его друга Якобино. Понял?

– Понял,– кивнул сын.– Какао – это что мне мама утром дает. Я понарошке так называю этого клоуна.

Коко и Якобино, клоуны-буфф, в то время были любимцами московской детворы, заполнявшей до отказа 1-й Государственный цирк на Цветном бульваре.

...Гольст проводил жену и сына до выхода и, вернувшись в кабинет, долго не мог взяться за дела.

«Образование»,– усмехнулся он, вспомнив слова жены.

И перед его мысленным взором встала прожитая жизнь, похожая на жизнь многих товарищей по работе и вместе с тем отличная от их.

Отец Георгия Робертовича служил инженером на Коломенском

паровозном заводе. Погиб в первую мировую, в 1916 году. Их расставание Гольст помнил до мельчайших подробностей. Почему-то навсегда остался запах новенькой хрустящей портупей. И слова отца: если он не вернется, сын должен во что бы то ни стало продолжать учиться (Георгий посещал гимназию).

После смерти отца Гольст едет из Коломны в Петроград, к тетке, единственной близкой родственнице отца. Затем – революция, которая закружила его, как и многих сверстников.

В 1920 году Георгий Робертович добровольцем пошел в Красную Армию. Служил в войсках ВОХР (вооруженная охрана республики), а вечерами, с разрешения начальства, два года ходил заниматься на юридическое отделение факультета общественных профессий Петроградского университета. В 1923 году Гольста переводят в Москву. Он продолжает службу в бронетанковой бригаде. В его петлицах три кубика. Командир. А еще через год демобилизация. Комиссия по делам демобилизованных направляет Гольста в административный отдел Моссовета, где он работает секретарем подсекции. Но недолго. Председатель Московского губернского суда И. А. Смирнов направляет Георгия Робертовича на годичные юридические курсы.

Потом – работа следователем в Московском губсуде. Сначала в Краснопресненском районе города Москвы, а впоследствии – в Бронницком уезде Подмосковья.

С 1931 года Гольст – старший следователь прокуратуры города Москвы. Да, опыта ему не занимать, а вот по образованию ему так далеко до академика. Но у многих его товарищей по работе было куда меньше опыта и образования. Так что Зинаида Ивановна действительно имела право по тем временам назвать Георгия Робертовича академиком. Однако он сам знал: любое дело – это встреча с неизвестным. Иной раз даже имеющиеся опыт и знания могут оказаться бессильными. И тогда отправляется в архив папка с надписью «Хранить до...». Такие дела кто называл «гробами», кто «глухарями». Официально они именовались нераскрытыми. Это значит, следователь проиграл битву. Преступник оказался хитрее, или обстоятельства складывались в его пользу. И самое главное из них – упущенное время. В случае с Амировой было именно так. Более полугода со дня ее исчезновения – срок немалый.

На следующий день после визита Тамары Кулагиной Гольст позвонил заместителю начальника МУРа Георгию Федоровичу Тыльнеру. Так как это касалось судебного медика, имевшего дело с работниками московского угрозыска, то надо было проявить особую деликатность.

За годы службы следователем Георгий Робертович немало повидал человеческих драм и трагедий. Покинутых мужей, жен, людей, потерявших своих близких. Он научился понимать их отчаяние от свалившегося часто непонятного и несправедливого горя. Тут всегда требовалась особая чуткость. Не вовремя сказанное кем-нибудь из сослуживцев слово, излишнее любопытство бередают кровоточащую рану в душе.

Георгий Робертович попросил прислать ему розыскное дело по заявлению Дунайского об исчезновении жены и сохранить это в тайне как от самого Валериана Ипатьевича, так и других работников МУРа. Через час дело уже лежало на столе Гольста.

Заявление Дунайского датировалось 29 августа 1936 года. По утверждению заявителя Нина Амирова покинула его двенадцатого июля.

Читая этот горестный документ, Георгий Робертович отметил про себя: почти семь месяцев Валериан Ипатьевич живет в тревожной неизвестности. Семь месяцев дум и сомнений: что же произошло, почему так несправедливо и обидно поступила с ним жена...

Дунайский писал, что она таинственно уехала в неизвестном направлении с каким-то человеком, которого он не знал, но в существовании его, однако, не сомневался. Никакой записки жена не оставила. Никого из знакомых (даже родную сестру) не поставила в известность, куда едет и почему. Покидая мужа, Амирова прихватила с собой все свои вещи, а также четыре тысячи рублей, принадлежавших Дунайскому, облигации займов на сумму три тысячи рублей, золотые часы Валериана Ипатьевича и многое другое.

Дунайский пытался разыскать жену. Писал ее матери, подругам. Но отовсюду приходил один и тот же ответ: Нина у них не появлялась, о ее местопребывании ничего не известно.

Вместе с заявлением Валериан Ипатьевич представил фотографии жены (он напечатал их в количестве 50 штук), чтобы помочь в розыске.

В деле было много всевозможных запросов, телеграмм. Но Амирова как в воду канула.

Георгий Робертович внимательно ознакомился с фотографиями Нины Амировой. На одной она была снята в фас, на другой вполупрофиль, на третьей – в рост, в легком летнем платье, на четвертой – в пальто, с меховой муфтой, в которую она засунула обе руки. Сходство с сестрой было несомненно, только у Нины более тонкие черты, волосы слегка вились. Она выглядела привлекательнее Тамары. Впрочем, Кулагина в разговоре и не скрывала, что сестра куда красивее ее.

Почти на всех снимках Амирова улыбалась. Как-то открыто, по-детски, чуть приоткрыв красиво очерченный рот, обнажив белые ровные зубы. И вообще, от всего ее облика на фотографиях веяло бесхитростью, простотой. Впрочем, Гольст уже научился не особенно доверять внешности. Перед ним сживали девушки с ангельскими личиками, уличенные в кражах, а иные подозреваемые с мрачными физиономиями, которые, если подходить к ним с точки зрения итальянского психиатра и криминалиста Ломброзо, должны были быть склонны к уголовным преступлениям, оказывались честными людьми.

Насторожило Георгия Робертовича то, что, судя по заявлению Дунайского, его жена, уходя, прихватила с собой деньги и ценности. Даже золотые часы мужа. Строить какие-то определенные версии на основании данных, имевшихся в розыском деле, было еще рано. Хотя можно было выдвинуть кое-какие общие предположения.

Первое – Амирова действительно покинула Дунайского с кем-нибудь из поклонников, на которых намекал Валериан Ипатьевич, и тщательно скрывает свое местопребывание, чтобы муж не нагрязнул и не закатил сцены или не натворил каких-нибудь глупостей.

Второе – Амировой нет в живых. Убийство тут или несчастный случай, пока остается только гадать. Главного – трупа Нины – нет. В этом случае для любого даже мало-мальски искушенного следователя становится очевидно: дело из тех, раскрытие которых сопряжено с невероятными трудностями. Можно строить сколько угодно и какие угодно версии и предположения, почва для этого самая благоприятная. А отработка слишком многих версий – это тяжелый и зачастую малопродуктивный труд.

Георгий Робертович снова набрал номер телефона МУРа, а точнее – Тыльнера. И задал ему вопрос:

– Георгий Федорович, вот тут, в розыскном деле об исчезновении Амировой Дунайский указывает, что жена его пропала двенадцатого июля. Так он что, почти полтора месяца до подачи заявления никому ни слова не сказал об этом?

– А кому приятно признаваться, что увели жену? – ответил Тыльнер. – Мужик он самолюбивый. Видать, стыдно было. Может быть, ждал. Думал, вернется, в ножки кинется...

– Но все-таки подал заявление, – заметил Гольст.

– Так ведь сами говорите – прошло полтора месяца. Значит, верх над стыдом и гордостью взяла тревога...

Пообещав заехать в МУР, Гольст сумел вырваться на Петровку, 38, только во второй половине дня. Ему хотелось самому ознакомиться с картотекой о различных происшествиях, зарегистрированных органами московской милиции за период, прошедший со времени исчезновения Амировой. Особое внимание Гольст уделил сообщениям и актам о никем не опознанных трупах.

Конечно, Георгий Робертович понимал: работники угрозыска, занимавшиеся поисками Нины Амировой, прочесали картотеку вдоль и поперек. И наверняка предъявляли трупы для опознания Дунайскому. Но все-таки Гольст решил проверить сам.

За этим невеселым занятием он просидел часа три. И уже перед самым уходом следователь наткнулся на одно оперативное сообщение, которое его буквально ошарашило.

Может быть, это было какое-то шестое чувство, присущее следователям, а может быть, выработанная годами привычка сопоставлять факты и даты.

13 июля 1936 года вблизи платформы Яуза Северной железной дороги на шестом километре от Москвы был обнаружен сверток с частями расчлененного трупа женщины. Страшная находка содержала грудную клетку с двумя легкими, сердцем и селезенкой.

13 июля!

В голове Георгия Робертовича тут же всплыла другая дата – 12 июля. В этот день, согласно заявлению Дунайского, пропала Амирова. Неужели она?

Гольст продолжал исследовать картотеку. И снова его заинтересовало

сообщение. Опять от 13 июля! В лесу около Большевской коммуны (все та же Северная железная дорога) найдена еще одна часть женского трупа – нижняя половина живота и таз. Она была завернута в простыню с вышитой буквой «Н».

Две такие важные находки в один день!

Но это было еще не все.

25 июля в болоте в Лосиноостровском лесу (между Яузой и Большевом) найден скальпированный женский череп, шейные позвонки, две ступни, две плечевые кости, две кисти рук с двумя отрубленными пальцами, на которых обычно носят кольца.

И наконец последняя находка – два куска человеческой кожи, снятой с бедер. Она обнаружена неподалеку от первой, на том же шестом километре Северной железной дороги, в Богородском лесу.

Дата обнаружения – 28 августа, то есть за день до того, как Дунайский подал заявление в МУР об исчезновении жены.

Тут же в МУРе Георгий Робертович попытался выяснить, что было сделано с этими страшными находками. Кем и когда возбуждены уголовные дела? Куда направлены части расчлененного трупа? Кому они принадлежат – одному человеку или разным?

Но увы, Гольст лишь узнал, что они (акты были составлены в разных отделениях милиции) отправлялись в Лефортовский морг, куда обычно доставляли неопознанные трупы.

Георгий Робертович поехал туда. Был уже конец рабочего дня. Заведующий моргом доктор П. С. Семеновский собирался уходить.

Петра Сергеевича Семеновского Гольст знал хорошо, как и многие следователи Москвы, да и не только Москвы. 40 лет проработал Семеновский в морге. И за это время узнал множество происшествий, драм и трагедий. При этом он оставался добрым милым человеком, прекрасно знавшим свое дело. О Семеновском не раз и очень сердечно вспоминал в своих произведениях Шейнин, остроумно сказавший о нем в одном из рассказов: «Так много возился с покойниками, что начал отлично разбираться в психологии живых...»

Гольст попросил Петра Сергеевича уделить ему немного времени.

– Мил человек, – с мольбой произнес Семеновский, – а до завтра не терпит?

– В общем-то... – начал было Георгий Робертович.

Но Семеновский перебил его:

– Ладно уж, выкладывайте. – Кому-кому, а Семеновскому было отлично известно, зачем следователь является в морг. И, как бы извиняясь, он сказал: – Машина ждет. В Подольске надо произвести эксгумацию...

Чтобы не отнимать у Петра Сергеевича лишнего времени, Гольст прямо спросил:

– Вы помните, в июле-августе прошлого года к вам четыре раза направляли части расчлененного женского трупа? И все найдены по линии Северной железной дороги?

– Как же, помню, – кивнул Семеновский. – Верно. Были-с...

И это слово как-то нехорошо откликнулось в сознании Гольста. Ему показалось, что «были» означает «сплыли».

– И что они? Где? – спросил он поспешно, зная, что останки могли давно уже предать захоронению.

– Да никто ими не интересовался, – ответил Семеновский. – Что, признаюсь, очень тогда меня удивляло. И удивляет...

– Значит, они?... – воспрянул Гольст.

– У нас, у нас, мил человек. В формалине. Ждут, когда о них вспомнят.

– Слава богу, – невольно вырвалось у Георгия Робертовича. Он действительно почувствовал облегчение: значит, еще не все потеряно.

– Понимаете, – продолжал Петр Сергеевич, – я хотел сам провести исследования. Но начальство вразумило меня, что нечего заниматься самодеятельностью. Ведь никто же не поручал...

Гольст понял, что у Семеновского уже есть какие-то свои соображения. С его-то опытом...

– Что вы можете сказать? – поинтересовался Георгий Робертович. – Это части трупа одного и того же человека?

– Гадать не будем. Знаете, я позвоню завтра, – ответил Семеновский, надевая пальто. – И не забудьте постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы.

– А когда завтра?

– С утра, – сказал Петр Сергеевич.

«Неутомимый старик, – подумал Гольст, когда они расстались. – Вечером эксгумация трупа, а потом, значит, вернется сюда и опять за работу».

В том, что Семеновский до утра выполнит его просьбу, Георгий Робертович не сомневался. Он знал, что Петр Сергеевич, не считаясь со своим почтенным возрастом, в любое время года, в любое время суток готов отправиться на место происшествия, выехать в другой город, чтобы самому разобраться в сложном случае.

Утром следующего дня, едва Гольст переступил порог кабинета, раздался звонок Петра Сергеевича. Словно судебный врач на расстоянии почувствовал, когда следователь появится на работе. Голос у Семеновского был усталый.

– Это части трупа одного человека, – сказал он и добавил: – Женщины, лет двадцати пяти.

– Двадцати пяти? – невольно вырвалось у Гольста.

Нине Амировой было столько же.

Семеновский немного помолчал.

– Ну, ошибка может быть в один-два года, не больше, – наконец сказал он. – В ту или другую сторону.

Гольст почувствовал волнение. То волнение, знакомое каждому следователю, когда его предположения, пусть самые первые, смутные, начинают приобретать какие-то реальные очертания.

– Значит, говорите, одного человека? – повторил он, а в голове лихорадочно билась мысль: кому предъявить для опознания – Дунайскому или сестре Амировой Тамаре Кулагиной...

Сомневаетесь? – В голосе Семеновского послышалась обида. – Приезжайте, убедитесь сами.

– Нет, что вы, Петр Сергеевич, я нисколько не сомневаюсь,– поспешно сказал Георгий Робертович.– Буду у вас часика через три. Хорошо?

– Добро,– ответил Семеновский. И вновь напомнил следователю насчет постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы.

«Так все же с кем поехать в морг?– мучительно размышлял следователь. И, вспомнив разговор с Тыльнером, взвесив все «за» и «против», остановил свой выбор на Кулагиной: – Так будет этичнее»,– подумал он.

Гольст позвонил Кулагиной на работу и предупредил, что скоро подъедет к ней. Тамара забеспокоилась и спросила:

– Обязательно сейчас? А если после работы я сама к вам?

– К сожалению, необходимо сейчас,– сказал Георгий Робертович.

С разрешения начальника следственного отдела И. Г. Сапожникова он взял служебную машину и поехал на завод.

Шел снег. Белые хлопья сыпали всю ночь, словно хотели укрыть Москву до самых макушек деревьев, до золотых куполов церквей, которые теперь, когда повсюду поднимались многоэтажные дома, стали казаться ниже и менее величественными.

Съезжая с Даниловского моста на Автозаводскую улицу, «эмка», обгоняя грузовик, попала в сугроб и забуксовала. Водитель чертыхался, дергал то вперед, то назад, но все напрасно. И как бы насмехаясь над «железной лошадью», их объехали сани. Извозчик, в тулупе и больших рукавицах, лихо управлялся с вожжами. В санях сидела молодая парочка.

– Опростоволосились мы, значит, перед дедовским транспортом,– подтрунил над шофером Гольст.

Тот ничего не ответил, остервенело нажал на педаль газа, и машина, словно устыдившись, тронулась наконец с места и, вихляя, двинулась по дороге. Скоро догнали сани.

– В музей их пора,– буркнул водитель.– Путаются под ногами...

Он победно нажал на клаксон и обошел лихача.

Георгий Робертович помнил, как еще лет десять назад все эти «ваньки», «ломовики» и «лихачи» держались на московских улицах весьма уверенно. Автомобилей было совсем мало. Минуло всего десятилетие, а как изменилась картина. Весело перезваниваются трамваи, величественно катят автобусы и троллейбусы, побежали под землей стремительные электрички метро. А тройки, воспетые, пожалуй, всеми поэтами за лихость и быстроту, как-то незаметно, но безвозвратно уходят в прошлое. Их осталось в столице наперечет. Вместо них в быт прочно вошли автомобили с шашечками на кузове – таксомоторы. Сначала французские «рено», а теперь наши советские «эмки»...

Чтобы оградить Кулагину от всяких подозрений и возможных неприятностей, Георгий Робертович отправился сначала в отдел кадров автозавода. У дверей ждали приема десятки людей. В основном молодые парни и девушки, в полушубках, телогрейках, в домотканых шерстяных платках, валенках и рукавицах.

– По сто – сто пятьдесят человек за день принимаем на работу,– с

гордостью сказал Гольсту начальник отдела кадров.— А что? По Сеньке, как говорится, и шапка. Заводище у нас — сила!

Георгий Робертович объяснил цель своего приезда. Послали за Кулагиной. Гольст встретился с ней в коридоре, отвел в сторонку.

— Что-нибудь узнали? — взволнованно спросила Тамара.

— Трудно сказать,— уклончиво ответил Георгий Робертович.— Но вам придется сейчас поехать со мной...

Куда и зачем, он решил объяснить по дороге. Надо было подготовить женщину.

— Как же так, товарищ следователь?— растерянно спросила Кулагина.— Да меня не отпустят! У нас соревнование! Мы даже решили сократить обеденный перерыв на десять минут. Чтобы завод дал больше автомашин...

— Понимаете, Тамара, ваше присутствие необходимо,— серьезно сказал Гольст.— А с начальством,— он кивнул на отдел кадров,— я договорился.

И Кулагина по его тону поняла: дело действительно безотлагательное...

...Некоторое время ехали молча. Тамара была подавлена и встревожена то ли тем, что ее сорвали с работы, то ли тем, что везут в легковом автомобиле, на котором ей еще ни разу не приходилось ездить. Гольст раздумывал, как сообщить своей спутнице, что за испытание предстоит ей выдержать.

Георгий Робертович знал, какое это мучительное дело — вызывать родственников или знакомых для опознания трупа. Он всякий раз видел, что стоило человеку переступить порог покойницей с густо устоявшимся специфическим духом, к которому и сам следователь тоже не мог привыкнуть, с тусклым освещением, промозглым холодом. Георгий Робертович замечал: люди всегда старались поскорее пробежать мимо цинковых столов, на которых лежали покойники. Торопливо, в паническом ужасе, лишь бы поскорее покинуть это место.

Тамаре Кулагиной предстояло куда более сильное потрясение.

Водитель вопросительно посмотрел на Гольста.

— Сначала к нам,— коротко бросил следователь.

Конечно, можно было сразу в морг, но Георгий Робертович решил, что надо побеседовать с Кулагиной, постепенно подвести ее к тому, что от нее требовалось сегодня. Потом следовало позвонить Семеновскому и подготовиться к опознанию.

Мирно щелкали дворники по лобовому стеклу, размазывая мокрый липкий снег. Молчание угнетало.

— А как Нина познакомилась с Дунайским? — спросил у Тамары Гольст.

— У нас на заводе, в клубе,— охотно откликнулась она.

— Сестра работала там?

— Да нет. Нина приехала ко мне из Батайска погостить... У нас в клубе была лекция о достижениях советской медицины. А после лекции, как всегда, танцы... Думаю, покажу сестренке, как мы культурно время проводим... Нина — ни в какую. Говорит, срамиться только. Ведь у нее даже платишка не было. Юбка сатиновая да блузка бумазейная, синяя. И тапочки, которые зубным порошком белят... Ну, говорю, этому горю можно помочь. Повела ее в

парикмахерскую, дала свое крепдешинное платье, туфли-лодочки... Смотрит Нина в зеркало и не узнает себя.— Тамара вздохнула.— И впрямь, она стала на артистку кино похожа... Пошли в клуб. Все наши парни обалдели. Замучили меня и Федора: познакомь да познакомь... А лекцию, значит, читал Валериан Ипатьевич. Когда танцы начались, его председатель завкома уговорил остаться... Танцуем мы с Федором, смотрю — батюшки! Нина-то с самим лектором танцует. Ну, думаю, дает девка. А она то краснеет, то бледнеет. И все под ноги смотрит... Какие там в Батайске танцы? Гопачок да барыня. А Дунайский ее на вальс пригласил...

Оттанцевали. Валериан Ипатьевич подвел Нину к нам с Федором и познакомился честь по чести... И так весь вечер не отходит от нее. На следующий день было воскресенье, он пригласил Нину в кинематограф... Потом театры, парки, катание на лодке... А через две недели повел в загс. Мы с Федором сообразили кое-какое приданое — пару платьев, туфли, бельишко. Стыдно ведь без ничего за такого человека отдавать. На мотоцикл копили, да бог с ним, с мотоциклом... Еще я Нине свое колечко отдала с голубым камушком, бирюза называется. Мне мама подарила, а ей оно от бабушки досталось... Носи, говорю, сестренка, на счастье...

Регистрацию отметили у Валериана Ипатьевича дома. Скромная была вечеринка. Нина пригласила нас с Федором. А кто у нее еще тут? Валериан Ипатьевич позвал нескольких друзей. Помню, был его друг, тоже врач, Борин. Еще был инженер с нашего завода Хрумин Игорь Иванович да один военный. Еще кто-то, да я их не запомнила...

Подъехали к прокуратуре. Гольст пригласил Тамару в свой кабинет, предупредив шофера, что они скоро снова поедут.

Георгий Робертович дал Тамаре чистый лист бумаги, ручку и попросил написать, какие она помнила особые приметы на теле сестры — родинки, шрамы, бородавки...

— А зачем это? — испуганно спросила Кулагина.

— Надо. Понимаете, Тамара, надо,— мягко сказал Гольст.

Оставив ее одну, Георгий Робертович пошел в соседнюю комнату и связался с Семеновским, предупредив, что они придут для опознания трупа, вернее, тех самых частей, что сохранились.

— Для опознания, говорите?— переспросил Петр Сергеевич.

И в его тоне Гольст почувствовал какую-то озабоченность.

— Ну да... Кстати, Петр Сергеевич, вы отметили в акте осмотра трупа приметы — ну, родинки, шрамы и так далее?

— Да как вам сказать,— произнес, как показалось следователю, неуверенно врач.— Нет их, этих самых примет. Ни родинок, ни шрамов — ничего...

— Как нет?— невольно вырвалось у Гольста.

— А вот так... Все срезаны... Впервые у меня такой случай.

Он замолчал. Молчал и Георгий Робертович, которого это сообщение прямо-таки ошарашило.

— Алло! Вы меня слышите?— крикнул в трубку Семеновский.

— Прекрасно слышу,— откликнулся Гольст.— Думаю...

- Приезжайте, будем думать вместе. Одна голова хорошо, а две...
- Через час буду. Просьба: если вас не затруднит, подберите понятых.
- Добро, Георгий Робертович...

Гольст вернулся к Кулагиной. Ознакомился с тем, что она написала своим крупным, почти детским почерком.

– Может, я лучше на машинке отстукаю? – как бы извиняясь, спросила Тамара, глядя на стоявшую на моем столе пишущую машинку.

– Ничего, ничего. Разборчиво, – успокоил ее следователь. – Вот вы пишете: родинка под грудью... Левой или правой?

– Левой. Точно левой. Под сердцем...

– Напишите, пожалуйста.

Тамара выполнила его просьбу.

Покончив с этим, Гольст наконец решился:

– Ну, Тамара, теперь соберите все свое мужество. Поедем...

Она вскинула на следователя расширенные от испуга глаза и еле слышно спросила:

– Куда?

– В Лефортовский морг.

Тамара сразу как-то осунулась, ушла в себя. И всю дорогу молчала.

Гольст вручил Семеновскому постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы частей трупа, найденных прошлым летом по линии Северной железной дороги.

Петр Сергеевич уже позаботился о понятых. Ими были студент-медик и санитар морга. Подумал врач и о Кулагиной: при опознании присутствовала медсестра, готовая тут же оказать помощь Тамаре, если ей станет плохо.

И у той действительно случился обморок, только уже потом, когда главное было сделано.

То обстоятельство, что преступник срезал с трупа все приметы, затруднило опознание. Более того, Тамара вообще не могла признать, что это части тела ее сестры. И когда уже казалось, что эта затея ничего не даст, она вдруг заинтересовалась пятнышком на ноге.

– Вот... Вот... – сказала она. – Шрам... Это, кажется, от граблей осталось. Помню, мы девчонками бегали по полю, а кто-то грабли забыл. Зубьями вверх лежали. Ниночка и напоролась...

Тут Кулагина потеряла сознание.

Когда она очнулась и надо было составлять протокол опознания, Гольст попытался еще раз уточнить достоверность заявления Кулагиной относительно небольшого шрама, который был едва заметен на подошве найденной правой женской ноги. Но она по-прежнему часто употребляла такие выражения, как «кажется, она поранила правую ногу», «наверное, этот шрам сохранился от той ранки, но точно утверждать не могу», «к врачу Нина не обращалась», «после того как Нина поранилась, я никогда шрам на ноге не рассматривала, но думаю, что это тот самый шрам»...

Гольст, проявив максимум объективности, все эти «кажется», «наверное», «думаю» зафиксировал в протокол, хотя прекрасно отдавал себе отчет в том,

что они в значительной мере обесценивают показания и опознание. Но ему было понятно и другое: только такой близкий человек, как сестра, мог вспомнить случай с граблями, имевший место бог знает когда. А все ее оговорки свидетельствовали о беспристрастности показаний Кулагиной.

Но независимо от опознания, думал следователь, убийца почему-то оставил нетронутой эту приметку. Может, не знал о ней или не заметил, как не обратил на нее внимания и Семеновский.

– За что, за что? – рыдала Тамара в кабинете Семеновского. – У какого ирода поднялась рука? Пусть она у него отсохнет! Пусть он сам подохнет собачьей смертью!...

Глядя на молодую убивающуюся женщину, Георгий Робертович вдруг представил себе залитое солнцем зеленое поле, бесконечно огромное синее небо над ним и двух девочек, двух сестер, бегущих по траве.

И неужели так трагически оборвалась жизнь одной из них?!

Когда Кулагина перестала плакать и впала в какое-то оцепенение, частенько наступающее после сильного душевного потрясения, Георгий Робертович оставил ее на попечение медсестры и решил побеседовать с Семеновским.

– Сразу видно, что опытная рука, – сказал судебный врач. – Хирург или патологоанатом. Знал, что к чему. Труп расчленен мастерски! Это, так сказать, общее замечание...

– И очень важное, – кивнул Гольст. – Но на чем оно основано?

– Ну, во-первых, орудовал скальпелем. И притом весьма квалифицированно. Чувствуется большой опыт. Второе – прежде чем расчленить труп, он его обескровил. Все части, обратите внимание, белые. Понимал: когда будет везти их, чтобы не сочилась кровь. Не хотел оставлять следы.

– Значит, вы считаете, что это, то есть обескровливание, мог сделать тоже только врач? – спросил Гольст.

– Безусловно! – категорически подтвердил Семеновский и продолжил: – Третье – срезы на трупе. Убийца предусмотрел все и постарался не оставить никаких примет. Я же говорил вам еще по телефону – ни одной родинки, ни одного шрама...

– А на ступне?

– Ну, мил человек, я сам принял сначала этот шрам за мозоль. Уплотнение. – Петр Сергеевич вздохнул. – Видите, как говорят, и на старуху бывает проруха. – Судебный врач-развел руками: – Все мы люди. Тут ошибиться было легко. Теперь я тоже отчетливо вижу – шрам. И чтобы уж все было без сучка и задоринки, сделаю срез, исследую под микроскопом... Но уверен, это шрам... А вы знаете, в анналах судебной медицины это второй случай подобного расчленения трупа. Понимаете, второй! – торжественно произнес Семеновский.

– Что вы имеете в виду?

– Так квалифицированно и предусмотрительно!

– А первый?

– Первый... Первый, дорогой Георгий Робертович, произошел в Англии. И преступником оказался некто Регстон. Врач.– Петр Сергеевич нахмурился.– Это очень печально, очень. А клятва Гиппократова? Нет, вы представляете, руки, которые должны прикасаться к человеку только для исцеления, ради великой и благородной миссии – врачевать, эти руки совершили самое кошмарное, что можно себе представить – убийство! И какое!

– Я вас понимаю,– кивнул Гольст.– Преступление чудовищное. Впрочем, убийство всегда чудовищно. Но когда убийца врач, оно омерзительно вдвойне.

Они некоторое время помолчали.

– Да,– продолжил Семеновский,– хочу обратить ваше внимание на одну существенную деталь. Все части трупа приблизительно одного размера.

– Это не случайно? – спросил Гольст.

– Я думаю, что нет.

– Вы хотите сказать...

– Я хотел сказать то, что сказал. А делать выводы – ваше право. Как следователя... Ну, вот все, что я желал вам сообщить. Вопросы будут?

– Наверняка да. Но это потом,– сказал Гольст.– А официальное заключение?

– Писанина, писанина,– вздохнул судебный врач.– И без нее тоже нельзя... Честно признаюсь: еще не оформил. Да и когда было время? Засяду прямо сейчас...

– Прошу вас, поподробнее о срезках...

– Батенька,– обиделся Семеновский,– неужели же я...

– Простите, Петр Сергеевич,– улыбнулся Гольст.– Просто хочется, чтобы все...

– Все, исключительно все будет в порядке,– заверил следователя Семеновский.– К концу работы бумага будет готова. С печатями и подписями...

После разговора с судебно-медицинским экспертом мысли у Георгия Робертовича заработали, как говорится, на всю катушку. Если обнаружены части трупа Нины Амировой, сразу возникали следующие вопросы: кто и с какой целью убил?

Сам не ведая того, преступник уже оставил свою визитную карточку. Правда, в ней было только указание на профессию: врач. Но и это уже было существенным для следствия. Как ни старался Георгий Робертович отогнать от себя мысль, что муж Амировой врач, следовательно, он и убийца, она неотступно преследовала Гольста и, как ему казалось, мешала быть объективным.

Гольст теперь буквально физически ощущал бег времени. На языке шахматистов означало, что он в цейтноте. Семь месяцев прошло со времени убийства. Это был слишком роскошный подарок для преступника.

Георгию Робертовичу не терпелось поскорее еще раз допросить Тамару Кулагину. До сих пор они в своих беседах затрагивали лишь общие вопросы, связанные с жизнью ее сестры Нины. Теперь надлежало проследить каждый ее шаг, особенно в последние месяцы жизни, узнать людей, с которыми она

общалась, выяснить интересы, которые ее занимали.

Когда Гольст сел с ней в машину с намерением ехать в прокуратуру для проведения допроса, то понял: Кулагина не может вести сейчас такой серьезный разговор. До того потрясло ее увиденное в морге.

Следователь решил перенести встречу на завтра. И, расставаясь с Тамарой, попросил:

– Пожалуйста, сохраните полную тайну обо всем. Никому, понимаете, никому ни слова...

– А как же Федор? – Кулагина показала на распухшее от слез лицо. – Будет расспрашивать...

– Придумайте что-нибудь, прошу вас...

По приезде на службу Гольст тут же зашел к начальнику следственного отдела.

Сапожников, выслушав старшего следователя и ознакомившись с документами, сказал:

– Ну и дельце! У нас такого, насколько я помню, не было... Противник у вас, Георгий Робертович, серьезный. Пожалуйста, держите меня все время в курсе...

Так появилось на свет «Дело об убийстве Амировой Нины Арефьевны», хотя появиться оно должно было значительно раньше. Но его не возбудили только потому, что каждый работник милиции, к которому попадала часть найденного трупа, считал, что оно уже возбуждено кем-то другим. Факт оставался фактом, и на него прокуратура города отреагировала грозным представлением.

Перед каждым следователем, получившим в руки уголовное дело, встает вопрос: с чего начать? Собственно говоря, Гольст уже успел проделать кое-какую работу. Теперь он решил постараться как можно точнее определить время убийства. А вернее день. Так как это было не под силу медицине, приходилось искать другие способы.

Дунайский в своем заявлении указывал, что его жена исчезла 12 июля 1936 года. Первая страшная находка датировалась 13 июля. Вставал вопрос: когда произошло убийство – двенадцатого или тринадцатого?

Следует сказать, что в одном из свертков, найденных по линии Северной железной дороги, был обнаружен окровавленный клочок газеты.

Удалось восстановить текст. На одной стороне клочка он был набран мелким шрифтом и гласил: «...материал сюжетно оправдывает введение джаза. Я уже показывал этот джаз-спектакль в Ленинграде. С 15 июля он пойдет в эстрадном театре ЦДКА. Это лишь начало. Но одно условие является нерушимым законом. Коллектив должен нести на сцену радость, веселье...». И еще:

«...рассердись.

...путаник-рассказчик

...и... почтовый ящик

...ссь объясните связь
...адно и обидно».

На другой стороне остался небольшой отрывок из рекламы, выполненной способом клише: «...выпуск СОЮЗИН... и МОК... е врем...»

На следующий день после опознания Гольст с утра зашел в районную библиотеку и без особого труда установил, что газета, клочок которой попал в сверток с частью трупа, была «Вечерняя Москва» от 11 июля 1936 года, № 158 (3788).

Первый текст – из статьи популярного эстрадного певца, киноартиста и руководителя джаз-оркестра Леонида Утесова «О чем хочу петь».

Джаз-спектакль «Темное пятно», о котором упоминал Утесов, шел в Центральном Доме Красной Армии (ЦДКА) при полном аншлаге.

Рядом был помещен стихотворный фельетон. В. Гранова «Письмо Татьяны». Едкий, полный юмора, как это мастерски делал В. Гранов, он рассказывал о том, что в дачном поселке Ильинское кто-то утащил со столба почтовый ящик.

«Я вам пишу. Но я не знаю, когда письмо дойдет до вас. Быть может, к будущему маю, в вечерний предзакатный час...»

А на обороте – это была четвертая страница «Вечерки» – попал отрывок из рекламы: «Смотрите и слушайте звуковой художественный фильм, выпуск СОЮЗИНТОРГКИНО и МОК РОССНАБФИЛЬМ «Новые времена». Сценарий, постановка и музыка Чарли Чаплина. В главных ролях Чарли Чаплин и Полетта Годдард. Все тексты на русском языке».

«Новые времена» Георгий Робертович ходил смотреть с женой и сыном в «Ударник». После этого семейного культпохода Володя подражал Чарли, нахлобучив на голову отцовскую шляпу, а вместо трости крутил в руках веник. Смешная походка комика у него выходила отменно.

Это было в июле 1936-го, то есть прошлого года. Лето выдалось на редкость жаркое. Столбик термометра поднимался за 39 градусов по Цельсию. Москва изнывала от зноя. По выходным дням загородные поезда уходили переполненные пассажирами. А в самом городе берега Москвы-реки, прудов и речушек были усеяны голыми телами загоравших. У киосков с газированной водой выстраивались длинные очереди. Главхладпром мог и не обращаться к москвичам с рекламой эскимо «Миньон», который «в рот просится, во рту тает, кто попробует, тот угадает». Мороженое поглощали в огромных количествах. Газеты пестрели изощренными темами необыкновенной жары.

Но не только жара была приметой лета. Вся страна с восторгом следила за перелетом В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова по маршруту Москва – остров Удд.

И еще была Испания. Фашистский мятеж генерала Франко. Пламенный голос Пасионарии, Долорес Ибаррури...

Все это Георгий Робертович вспомнил, листая подшивку «Вечерней Москвы» в библиотеке...

Потом, сидя у себя в кабинете, он сопоставлял даты. Газета от 11 июля.

Исчезновение Амировой – 12 июля, а первая находка с частью трупа – на следующий день. Все очень близко. Можно сказать, одно за другим. Однако вопрос – точный день убийства – оставался пока открытым.

Размышляя об убийце, Гольст вдруг увидел в его действиях странное противоречие.

Дело в том, что все свертки с частями трупа были спрятаны довольно небрежно. Преступник лишь кое-как маскировал их ветками. И это не вязалось с тем, с какой тщательностью он пытался устранить каждую приметку на теле убитой.

Так почему же в другом случае он дал промашку?

Гольст попытался представить себе картину, как убийца избавлялся от трупа. Скорее всего ему пришлось несколько раз выезжать за город. За одну поездку он прятал лишь одну «порцию» из четырех почти равных.

Это Георгию Робертовичу пришло на ум, когда Семеновский сообщил, что все части приблизительно одинакового размера. Поместились бы в небольшой чемодан. Значит, убийца подгонял под его объем свою страшную ношу?

Выходит, ему пришлось ехать по Северной дороге четыре раза. Если принимать во внимание такой психологический момент, как желание поскорее избавиться от трупа, то он, вероятно, сделал это за один день. Небрежность маскировки можно было объяснить одним – страхом: а вдруг увидят. Тогда почему так тщательно расчленен труп, обескровлен, срезаны родинки и другие приметки? По всей вероятности, преступник действовал в безопасном месте и располагал достаточным временем.

...К одиннадцати часам, как было указано в повестке, пришла Тамара Кулагина. Гольст сразу заметил в ней резкую перемену.

Одних людей горе выбивает из привычной колеи, лишает воли. Других мобилизует, подтягивает, заставляет переоценить какие-то прежние ценности.

Гольст почувствовал: Кулагина сделала какое-то очень важное для себя открытие:

– Вы, конечно, извините, товарищ следователь, но я вам давеча не все рассказала... Ну, когда вы спрашивали о Нине и о том, какие отношения были у них с Валерианом Ипатьевичем, – начала Кулагина.

– Почему? – спросил Гольст.

– Да как вам объяснить... Знаете, между мужем и женой всякое случается. И хорошее, и плохое. Радость и ссоры. А как на самом деле – они одни только знают. Чужая семья – потемки... Не хотела я, чтобы вы подумали: вот, наговаривает на мужа сестры, а ее саму выгораживает. Но после вчерашнего я всю ночь не могла заснуть. Обо всем передумала. Скажу честно, не было у Нины от семейной жизни никакой радости. Особенно в последнее время.

– Какое именно последнее время? – уточнил Гольст.

– Да уж два года точно. Слезы да слезы. Она ведь скрытная была. Да и кому жаловаться? Только у меня и давала волю своему горюшку.

Кулагина теребила в руках носовой платочек. Но глаза у нее были сухие: все слезы, наверное, выплакала.

– А на что конкретно она жаловалась?

– В том-то и дело, что ничего путного от нее я не могла добиться. Придет, ляжет на кушетку лицом к стене и плачет. Я к ней и так и этак, а она молчит. Но, видно было, дома нелады. Несколько раз с синяками на лице приходила, на руках тоже как-то заметила.

– Вы считаете... – начал было Гольст.

– Это он ее, Дунайский! – указав куда-то рукой, зло проговорила Тамара! – А кому еще? Ведь она сидела в комнате затворницей. У муженька своего вместо прислуги да няньки была. Он, видите ли, ел только овощи да фрукты. Мясо – ни-ни...

– Вегетарианец, что ли?

– Во-во! Нина говорила, у какого-то писателя начитался, что грешно есть животную пищу.

– У Толстого?

– Наверное... Так вот, Нина приходила ко мне большей частью украдкой. А если вечером, Валериан Ипатьевич за ней заходил. Все проверял. А чего проверять-то?

– Ревновал?

– Люто!

– Может, сильно любил?

– Господи, да разве ж это любовь? – воскликнула Тамара. – Я так думаю: любишь-не-любишь, а должно быть равенство. Прошли времена, когда мы под пятой сидели! – продолжала она, все больше распаляясь. – А что? Для чего революция нас, женщин, освободила? Работаем наравне и вообще... И если мужчина может выбрать, кого любить и с кем жить, почему нам это заказано?

– А что, Нина кому-то симпатизировала? – осторожно спросил Гольст.

– Я не знаю, – ответила Тамара, опять погрузившись. – Во всяком случае, мне она ничего не говорила. Но Валериан Ипатьевич... – Она замолчала.

– Что же Валериан Ипатьевич? – переспросил Гольст.

– Он уверял, что Нина уехала с кем-то из общих знакомых... Если начистоту, то я даже обрадовалась тогда за Нину. Вспомнила ее слезы, синяки. Думаю, так Валериану Ипатьевичу и надо... Он, когда пришел к нам пятнадцатого июля, намекнул, что это или Борин, был такой приятель у Дунайского, тоже врач, я вам говорила...

– Говорили, – кивнул Гольст.

– Значит, или Борин, или Хрумин Игорь Иванович. Он тоже был на вечеринке по случаю бракосочетания Нины и Дунайского. Инженер с нашего завода... Ну, если с Бориным, – одно. Он холостой и вообще приятный мужчина. А вот насчет Игоря Ивановича... Ведь у него жена и двое детей! Неужели, думаю, Нинка такая бессовестная? Семью разбила, у детишек отца отняла... И на заводе нам с Федором как после этого? Конечно, с Дунайским я ничего обсуждать не стала. А на следующий день на заводе поинтересовалась, где Хрумин. Говорят, на прошлой неделе в отпуск ушел... Ну, у меня совсем нехорошо на душе стало. Все сходится. Решила: ушел в отпуск, уехал куда-то. Без жены. Она у нас плановичкой работает... Проходит неделя, другая. Я как-то видела жену Хрумина заплаканной. Но ведь не подойдешь, не спросишь, где,

мол, Игорь Иванович? Потом уже, окольными путями узнала я, что он куда-то пропал и из отпуска в срок не вернулся...

– А Борин? – поинтересовался Гольст.

– Про Борина я ничего не знаю. Только раз и видела его, на той вечеринке. Кулагина замолчала.

– Это все, что вы хотели сообщить мне? – спросил Гольст.

– Нет, не все.– Тамара опустила глаза, словно решаясь на что-то.– Не все, товарищ следователь... Я хочу сказать, что, если говорят про какого-то иностранца, будто Нина с ним уехала, так это просто вражеская сплетня. Не могла моя сестра с буржуями связаться! Хоть золотом ее обсыпь – не могла, и все!

Это заявление Кулагиной заинтересовало следователя. Но что-нибудь вразумительного о какой-то связи Нины с бог весть каким иностранцем узнать ему не удалось. Но на всякий случай Гольст сделал себе пометку: «Проверить через ОГПУ».

А когда разговор с Кулагиной, казалось, был уже закончен и следователь, отметив повестку, встал, чтобы распрощаться, Тамара, глядя куда-то в сторону, сказала:

– Не нравится мне, ой не нравится, как ведет себя Валериан Ипатьевич. Что же это получается: любил, значит, а через полгода забыл?

– Из чего вы это заключили? – спросил Гольст, поняв, что Кулагина еще не выговорила до конца.

– Из того! Видели бы вы, как он поначалу убивался. Плакал. Говорил, что жить не хочет... А когда я у него перед новым годом была, что-то уж очень спокойно о Нине вспоминал.

– Может, просто скрывал свои чувства?

– Что же я, слепая? – с некоторой обидой произнесла Кулагина.– И еще... Помните, я вам рассказывала про колечко с бирюзой, что на свадьбу Нине подарила?

– Помню,– кивнул Гольст.

– Колечко-то это я видела в вазочке на буфете у Дунайского дома. А Нина никогда не расставалась с ним...

– Погодите,– насторожился Георгий Робертович,– вы не могли ошибиться? Это действительно то самое кольцо?

– Да я на чем угодно поклясться могу! – заверила Кулагина.

– Когда вы видели кольцо?

– Ну...– Она задумалась.– Давно уже. В прошлом году... И врет Дунайский, что Нина его деньги забрала! И часы! – вдруг прорвало Кулагину.– Не могла она! Уж как нам в детстве туго приходилось, но чтобы чужую копейку взять... Да, милостыню просили. Так ведь с голоду помирали! Вокруг после гражданской войны разруха. Пацаны и девчонки по базарам промышляли, воровали. А мы с сестрой никогда! Потому что маманя нас так приучила. Говорила, бог накажет... Это теперь я знаю, что бога нет. А тогда мы боялись... И никогда я не поверю, чтобы Нина у кого-то что-то взяла. Да пусть мне руку отрежут! Сегодня ночью ни на секунду глаз сомкнуть не могла. Все

думала, думала. И про колечко, и про деньги эти проклятые, часы и облигации... Брешет Дунайский. И неспроста это. Чует мое сердце, что он сам... – Она осеклась, словно испугалась сказать лишнее.

– Договаривайте, договаривайте, – мягко, но на стойчиво попросил Гольст

– А что, если это он Нину, а? – тихо проговорила Тамара.

В комнате наступила гнетущая тишина. Из коридора доносился чей-то громкий разговор. Георгий Робертович внимательно посмотрел на Кулагину и вместо ответа спросил:

– Он угрожал ей?

– Нина мне об этом не говорила. Но как-то у нее вырвалось: нет житья с Валерианом, что мне делать? Я, честно говоря, даже намекнула ей: уйди, мол, если неможешь. Ты молодая, вся жизнь впереди. Нина в ответ: а куда?

...Оставшись после допроса Кулагиной один, Гольст долго выхаживал по своему кабинету, обдумывая то, что сообщила свидетельница. Эта молодая женщина потеряла близкого человека, и ее чувства были понятны: она считала, что имела право требовать наказания убийцы. Сколько раз, встречаясь с подобными потерпевшими, Георгий Робертович убеждался, как сильно это чувство мщения. Люди готовы были обрушить свою ненависть и гнев на каждого подозреваемого человека. И как часто эти подозрения бывали несправедливыми...

То, что Тамара не жаловала мужа своей сестры, Гольст понял еще при первом их разговоре. Этот мотив неприязни звучал и вчера, когда они беседовали в машине по пути с завода в прокуратуру. Так что об объективности в отношении Кулагиной к Дунайскому говорить не приходилось. Но вот факты, которые она привела...

Взять хотя бы колечко. Вещица, судя по всему, не дорогая, но как память о матери, бабушке, сестре... Может быть, Нина оставила его впопыхах?

Дунайский в своем заявлении утверждает, что отъезд жены был крайне неожиданным. Вполне возможно, она собралась в считанные минуты, забыв кольцо дома.

«А не получилось ли так: Тамара сначала заподозрила зятя в убийстве своей сестры, а уже потом в ее голове сами по себе «вспомнились» уличающие Валериана Ипатьевича факты? А кольцо в вазочке совсем другое», – думал Гольст.

Конкретных жалоб со стороны Нины на мужа Тамара так и не привела. Ну, были размолвки, возможно, даже рукоприкладство. Гольст допускал, что у Амировой могли вырваться слова о желании расстаться с Дунайским. Однако опять же никаких конкретных действий раньше она не предпринимала. Не было у нее, кажется, и привязанности к другому мужчине. И если Амирова действительно стала жертвой преступных действий мужа, то остается непонятным, для чего Дунайскому нужно было избавляться от жены, да еще таким страшным способом? Мотивы убийства совершенно непонятны.

Или пока непонятны. Георгий Робертович глянул на сделанную запись «Проверить через ОГПУ» и подумал: может, и в самом деле у нее была связь с каким-то иностранцем, а сестра ни о чем не подозревала. Да и сам Дунайский

об этом ни слова...

Правда, был еще некий Борин – лицо совершенно реальное. Друг дома, как выразился о нем Дунайский. Тоже врач. И даже хирург. О нем тоже подумал Гольст вчера, когда Семеновский обратил его внимание на профессиональную принадлежность убийцы.

В беседе с Гольстом Георгий Федорович Тыльнер, заместитель начальника МУРа, сказал: «Валериан Ипатьевич подозревает, что жена крутила роман с каким-то медиком. Возможно, с ним она и сбежала».

Но и Кулагина и Тыльнер имели сведения из одного источника – Дунайского.

Непонятна история с инженером Хруминым. Его затянувшийся отпуск и слезы жены...

Не откладывая дела в долгий ящик, Георгий Робертович решил заняться обоими знакомыми Дунайского – Бориным и Хруминым. В отношении же Дунайского Гольст решил быть крайне осторожным. Тот достаточно долго проработал судебным врачом и отлично знал следственную кухню. Любое действие со стороны следователя могло насторожить его, а необоснованное подозрение – оскорбить, отрицательно повлиять на его служебный авторитет.

Однако Георгию Робертовичу не терпелось встретиться с ним. Посмотреть, как он будет держаться теперь в этой ситуации. Может быть, даже как-нибудь осторожно прощупать его. И случай для этого был удобный. В производстве Гольста было еще дело о самоубийстве. Обстоятельства дела были довольно запутанны. Принимая во внимание, что у самоубийцы были плохие отношения с братом жены (тот не раз грозился разделаться со свояком) и при этом имелся имущественный спор (не могли поделить оставшийся в наследство дом), Георгий Робертович не исключал возможность убийства. Вызывали сомнение у следователя и выводы судебного медика, обследовавшего труп.

Узнав, что Дунайский будет завтра в прокуратуре У одного из коллег, Гольст попросил предупредить его, когда придет Валериан Ипатьевич, с тем чтобы встретиться с судебным врачом и проконсультироваться.

Константин Павлович Борин, как удалось установить Гольсту, работал детским хирургом. Это насторожило следователя: убийца Амировой, но словам Семеновского, профессионально владел скальпелем.

Георгий Робертович поехал в его больницу, встретился с главврачом и попросил его рассказать о Борине: что он за человек, какие у него привязанности, склонности и так далее.

Оказалось, в свои тридцать лет Борин был уже дважды женат С последней женой развелся весной прошлого года.

Главврач неохотно говорил о личной жизни своего подчиненного. По его словам, Борин был прекрасный специалист, однако, как удалось без особых трудностей выведать Гольсту, детский хирург питал слабость к женскому полу. Заводил интрижки с молоденькими медсестрами Эти сведения заставили задуматься: может быть, подозрения Дунайского в отношении Борина действительно имели основание?

А инженером Хруминым в этот день Георгий Робертович заняться не смог, помешали другие неотложные дела.

Назавтра с утра Гольсту дали знать, что Дунайский в прокуратуре. Георгий Робертович пригласил его к себе.

Валериан Ипатьевич был чуть выше среднего роста, держался прямо. Несколько аскетическое лицо с правильными чертами. Глаза глубокие, взгляд настойчивый, словно изучающий. Он отдаленно походил на кумира московской и петербургской публики предреволюционных лет певца Вертинского, на концерте которого Гольсту как-то удалось побывать, еще будучи гимназистом. И еще Дунайский был чем-то похож на артиста Хмелева в роли Каренина в спектакле МХАТа.

Поздоровавшись, Георгий Робертович предложил Дунайскому сесть.

– Валериан Ипатьевич, тут у меня возникло одно сомнение, – обратился он к нему и дал прочитать заключение судебно-медицинского эксперта по делу самоубийстве.

– По-моему, медицинское заключение вполне квалифицированное, – сказал Дунайский.

Самоубийство, о котором шла речь, было совершено при помощи бритвы. Фотографии умершего, вернее, характер самого ранения, и вызвал сомнение у Гольста.

– Собственно, вот что нас смущает. – Гольст придвинул к Дунайскому раскрытую папку с делом. – Посмотрите, вот тут на фотографии ясно видно: на шее погибшего, рядом с краями раны, несколько надрезов. Они, правда, неглубокие, но...

– Понятно, – кивнул Дунайский. – Подобные надрезы встречаются при аналогичных способах самоубийства довольно часто. Причем не имеет значения, где нанесено ранение, – на шее или на руке. Это хрестоматийный пример. Его приводят почти во всех учебниках и исследованиях по судебной медицине. Самоубийца колеблется, не решается, несколько раз пробует Отсюда, как правило, возле основной раны и надрезы.

Валериан Ипатьевич довольно подробно объяснил, что это вызвано особым психическим состоянием человека, решившегося на такой страшный шаг.

Гольст отметил про себя: врач говорил очень убедительно, что свидетельствовало о его большом опыте и знаниях. Но как раз этот опыт и смущал старшего следователя. В ушах так и звучали слова Семеновского об убийце Нины Амировой. «Он знал, что к чему...»

Подозревать... Какое это мучительное состояние. Каждый раз Георгий Робертович переживал: а вдруг он, следователь, ошибается? Вдруг собранные факты и улики – лишь роковое стечение обстоятельств и подозреваемый невиновен? Можно ли строить какие-то предположения только на основании того, что Дунайский – судебный врач и прекрасно владеет скальпелем? Ведь Борин, как хирург, владеет тем же скальпелем, видимо, не хуже.

И все же Гольст решил бросить пробный камень. Прощаясь с Дунайским, он как бы невзначай опросил:

– Ну, что слышно о вашей жене? Как идут розыски? Результаты есть?

Гольст провожал Дунайского к дверям кабинета. При этих словах Валериан Ипатьевич словно споткнулся.

– Ищут... Говорят, ищут... – пробормотал он несколько растерянно, как показалось Георгию Робертовичу. И тут же взял себя в руки. – Я несколько раз напоминал. Но, увы, пока безрезультатно, – продолжал он уже более спокойно.

Дунайский остановился и стал рассказывать, что подал заявление в МУР семь месяцев назад, приложил к заявлению фотографии жены...

Когда он ушел, Гольст долго размышлял, почему вопрос о жене так смутил Дунайского.

Впрочем, понять это было можно: исчезла жена. Любой на его месте будет переживать. И все же реакция Валериана Ипатьевича очень насторожила Гольста. Он решил посоветоваться с начальником следственного отдела прокуратуры города И. Г. Сапожниковым. Но тот уехал по делам. Чтобы не терять времени, Георгий Робертович занялся инженером Хруминым.

С ним вопрос прояснился довольно легко. Игорь Иванович был заядлым альпинистом и свой отпуск неизменно проводил в горах. На этот раз их группа отправилась на Памир. Жена Хрумина даже не знала, что ее муж должен был участвовать в восхождении на один из «семи тысячников», находящихся в нашей стране. Мероприятие это едва не кончилось трагически. Связка, в которой шел инженер Хрумин, попала в снежный обвал. Их отыскала поисковая группа на третий день, когда шансов на спасение почти не оставалось. У Игоря Ивановича были обморожены ноги, и его в тяжелом состоянии положили в местную больницу.

Итак, Хрумин имел алиби.

А вот с Бориным было пока неясно. Вызывать его самого или допрашивать знакомых следователь не решался. Боялся, как бы не дошло до Дунайского, что делом его жены занялась прокуратура.

Об этом состоялся на другой день разговор у И. Г. Сапожникова, начальника следственного отдела. Среднего роста, всегда спокойный, он говорил с хрипотцой.

– Значит, насчет Дунайского, я вижу, у тебя сильные подозрения, так? – спросил Израиль Григорьевич.

– Да, – подтвердил Гольст.

– Основания?

– Во-первых, показания сестры Амировой. Насчет кольца, побоев и так далее...

– Это пока не проверено, – покачал головой Сапожников.

– И еще реакция Дунайского, когда я спросил о жене...

– Так ведь жена! Попробуйте поставить себя на его место. Интересно, вы бы реагировали спокойно?

– Наверное нет, – согласился Гольст. – Но поверьте, Израиль Григорьевич, интуиция мне подсказывает...

– Интуицию к делу не пришьешь, – с улыбкой проговорил Сапожников.

– Это так. Но давайте проследим даты. Амирова, как утверждает

Дунайский, пропала двенадцатого июля. Более полутора месяцев об ее исчезновении он официально не заявлял. Понимаете, даже на службе ни слова. А ведь Дунайский сотрудничал с работниками МУРа!

– Стыдно было, – возразил Сапожников.

– Да, но вот одна деталь. 28 августа был найден последний сверток с частью трупа, а 29, обратите внимание, двадцать девятого августа, на следующий день, он наконец пишет заявление в Московский уголовный розыск...

– А может, это совпадение? Я имею в виду, что он подал заявление двадцать девятого?

– Сомневаюсь, хотя и не исключено...

– Вот вы здесь, Георгий Робертович, привели доводы только против Дунайского. А попробуйте найти «за». – Видя недовольное лицо Гольста, Сапожников пояснил: – Ведь вы следователь. И прежде чем прийти к какому-нибудь решению, обязаны в своей голове все проиграть. Пусть в вас спорят прокурор и адвокат. Один выдвигает версию, другой ее опровергает...

После разговора с начальником следственного отдела Георгий Робертович еще раз тщательно ознакомился с материалами дела. Конечно, Сапожников прав: надо было все более основательно взвесить, прежде чем начать решительно действовать. Пока что Гольст в своих подозрениях опирался в основном на показания Кулагинной. Поведение самого Дунайского мало пролиvalo света на эту историю. То, что он тянул с подачей заявления, еще ни о чем не говорило. Может, и в самом деле в его положении так поступил бы любой – оттянуть как можно дольше, а вдруг беглянка объявится. Спешить признаться перед сослуживцами, что сбежала жена, не каждый станет.

Сидеть сложа руки и ждать Гольст не мог. Откладывать – значит дать возможность преступнику замести следы. Дунайский – опытный человек. А ждать чего?

С другой стороны, если он не виновен, а Гольст предъявит ему обвинение, не оберешься неприятностей. Затаскают по начальству. Кто-кто, а Дунайский постоять за себя сможет.

Получался своего рода заколдованный круг: пора было уже вызывать Дунайского на допрос, провести обыск в его квартире, но, если он действительно виновен и почувствует, что им интересуются, может скрыться.

Один выход – арест в порядке избрания меры пресечения.

Георгий Робертович опять пошел к Сапожникову.

– Ордер на арест Дунайского? – переспросил начальник отдела, выслушав исповедь Гольста. – Взять человека под стражу – дело серьезное...

– Потому и пришел к вам посоветоваться... А если начну копать глубже и он сбежит, тогда как? – не сдавался Гольст.

Сапожников предложил сходить к прокурору города.

Внимательно выслушав доклад старшего следователя, прокурор города Филиппов с его доводами в принципе согласился. И в конце посоветовал:

– Надо действовать решительно и осторожно...

К этому он не раз призывал следователей и прокуроров на всякого рода

совещаниях и собраниях.

В тот день Гольст ушел с работы рано. Жена была премирована на службе билетами на спектакль «Бесприданница» по пьесе Островского. Отказать ей Георгий Робертович не мог. Да и сам он с удовольствием посмотрел прекрасную постановку. Играли великолепные актеры, цвет, можно сказать, театральной Москвы – Пыжова, Алисова, Тенин, Кторов...

После спектакля возвращались домой по улице Горького, через Красную площадь, пешком. Шел крупный пушистый снег, серебрившийся в свете витрин и ярких уличных фонарей. Москва была торжественна и прекрасна в эту тихую ночь.

А у Георгия Робертовича все мысли были заняты завтрашним днем: как сложится первый допрос Дунайского? Первый – всегда очень важный. И для допрашиваемого, и для следователя.

Видимо, заметив отрешенное состояние мужа, его задумчивый взгляд поверх людей, домов, жена, словно прочитав мысли мужа, спросила:

– Ну как, нашел ту женщину? Помнишь, ты говорил, когда мы были у тебя с Володей?

– Да, – ответил Гольст. – Нашел...

Но не стал объяснять, что мертвую.

– Вот видишь, я же говорила, – удовлетворенно произнесла жена. – Если ты берешься...

«Еще посмотрим, – подумал про себя Георгий Робертович, – найду ли я убийцу. Ведь не исключено, что с Дунайским – ошибка»

В Зарядье сели на трамвай. В нем было шумно. Группа молодежи, столпившаяся на задней площадке, громко обсуждала результаты первенства Москвы по конькобежному спорту. Ребята на все лады хвалили Курбатова из общества «Локомотив», который выиграл два забега – на 500 и 1500 метров. Затем они стали оценивать шансы популярных советских бегунов Серафима и Георгия Знаменских, которые отправились в Париж для участия в кроссе на приз газеты французских коммунистов «Юманите».

– Иду на спор, первым придет Жора! – горячился паренек в бобриковом полупальтишке и вязаной лыжной шапочке с помпоном.

– Дудки! – спорил другой, в овчинном полушубке и фетровых бурках. – Победит Серафим!

– Не знаю, как у мужчин, – раздался звонкий девичий голос, – а у женщин первой будет Зайцева!

Со Знаменскими в столицу Франции уехала и прославленная спортсменка Анна Зайцева.

«Знаменские и Зайцева, конечно, выиграют. А вот чем завтра кончится у меня? – подумал Гольст. – Победой или поражением?...»

Когда Георгий Робертович пришел на следующий день на работу, он чувствовал себя так, как чувствует, наверное, командир, приготовившийся к военной операции. Предстояло дать задание различным группам – ударной и

резервной, выслать разведку, обеспечить надежность флангов и тыла.

А может быть, следователь походил на режиссера: персонажей надо было расставить так и выпустить на сцену в тот момент, когда это будет необходимо по ходу задуманного действия.

Накануне Гольст попросил своего коллегу П. И. Тарасова-Родионова дать ему в распоряжение двух студентов-практикантов МГУ, удостоившихся чести проходить практику за хорошую учебу не в районной, а в городской прокуратуре.

– А для чего они тебе?– поинтересовался Петр Игнатьевич.

– Архиважное задание,– уклончиво ответил Георгий Робертович.– Не подведут?

– Нет,– заверил Тарасов-Родионов.

И Гольст не сомневался, что это будет именно так. Петр Игнатьевич хоть и не кончал пединститут, но обладал незаурядными педагогическими способностями. Вскоре он стал вести семинары в Московском юридическом институте, в котором учился и автор этих строк, и могу подтвердить: Тарасов-Родионов действительно был прекрасным педагогом и пользовался неизменной любовью студентов всех выпусков...

Но вернемся к событиям того дня.

Подходя к своему кабинету, Гольст увидел своих помощников-студентов – Яшу Полякова и Леночку Захарову. Предупрежденные накануне явиться к девяти часам утра, они пришли значительно раньше. Яша был жгучий брюнет, с пышной кудрявой шевелюрой, Леночка – изящная, невысокая, никак не походила на будущего юриста. Балерина, да и только. Обоим не терпелось узнать, для какого такого архиважного задания их пригласил Гольст.

– Ну, вот что, Яков Ильич и Елена Михайловна,– обратился к ним Георгий Робертович, намеренно величая их по имени-отчеству, отчего практиканты прямо-таки зарделись.– Перво-наперво мы перебазировемся на сегодня в другое помещение. Там вы и получите задание...

Они пошли в другое крыло здания, где Гольст намеревался вести допросы. План его был довольно простой: вызвать свидетелей и задержать в прокуратуре до прихода Дунайского. Но так, чтобы Валериан Ипатьевич их не увидел. В портфеле Георгия Робертовича лежал ордер на арест Дунайского, подписанный им и утвержденный прокурором города.

– Я вам доверяю,– сказал вчера прокурор города.– А решать, понадобится ордер или нет, будете в зависимости от показаний свидетелей и подозреваемого.

Дунайского должен был пригласить в прокуратуру по просьбе Гольста его коллега, следователь Зенкевич (ход этот казался Георгию Робертовичу естественным и единственно возможным, потому что заблаговременный вызов повесткой исключался), и задержать до тех пор, пока Георгий Робертович не проведет допрос соседей по квартире Валериана Ипатьевича, а также его приятеля врача-хирурга Борина.

Главное, к чему стремился Гольст,– Дунайский не сможет узнать, что ведется следствие, и в то же время его можно будет допросить сразу после

свидетелей.

Валериан Ипатьевич был вызван на четырнадцать часов. В десять с минутами Гольст решил начать допрос Гликерии Саввичны Жариковой, проживающей в одной квартире с Дунайским. Она была пенсионерка и, скорее всего, находилась дома. Георгий Робертович пошел к Сапожникову просить машину.

– Для кого?– поинтересовался тот.

– Для студентов.

– С каких это пор мы должны катать студентов на легковушке? – удивился Израиль Григорьевич.

– Так вы же сами вчера одобрили мой план...

Сапожников для порядка немного поворчал, но «эмку» взять разрешил.

Гликерию Саввичну Жарикову студенты привезли в домашнем халате, пуховом платке, испачканном мукой, в расстегнутом бордовом пальто с линялым лисьим воротником. На руках у нее налипло тесто.

– Вот, Георгий Робертович,– важно ввела ее в кабинет Леночка Захарова.– Свидетельница доставлена.

Сзади шел бдительный Поляков.

Жарикова испуганно хлопала глазами и не знала, куда девать руки. Ребята явно перестарались. Гольст едва сдержал улыбку.

– Гликерия Саввична,– вежливо сказал следователь,– пожалуйста, пройдите в туалет, вымойте руки.

Жарикова растерянно оглянулась.

– Елена Михайловна, проводите,– попросил Гольст.

Когда они вышли, Георгий Робертович укоризненно посмотрел на Полякова.

– Да мы... да вы ведь просили, чтобы у свидетельницы никакого контакта,– стал оправдываться Яша.

– Но руки-то она могла вымыть. И переодеться...

– А вдруг позвонила бы кому-нибудь? Или успела сказать? Вдруг у нее в комнате человек?

Пожутив перестаравшихся студентов, Георгий Робертович дал Полякову еще одну повестку для вызова другого соседа Дунайского – бухгалтера бумажного треста Брендючкова.

– Просьба,– напутствовал студента Гольст,– если у него в руках будут деньги, не хватайте, как Жарикову, а подождите, пока он их положит в сейф...

Поляков поклялся, что на этот раз все будет в порядке.

Гликерия Саввична вернулась из туалета, окончательно успокоившись. Уютно расположилась на стуле против следователя и разговор начала первая:

– Небось насчет соседа вызвали? Я сразу догадалась...

– Да, расскажите о нем, пожалуйста,– попросил Гольст.

«Раскованная старушка,– подумал он.– С ней, наверное, будет просто...»

– А что там говорить,– махнула рукой Жарикова.– Темная личность. Одну комнату запертую держит, говорит, сын якобы имеет право... А я вам скажу: подкупил он всех. И управдома, и участкового!

Гликерия Саввична сильно окала.

– Дача у него тоже ворованная! Кто поверит, что бухгалтер может себе на честные трудовые деньги такие хоромы купить? У меня муж краснодеревщиком работал, день и ночь не разгибался. А где у нас свой особняк? Нету у нас ничего. Два года назад помер. У него был один коверкотовый костюм, и в нем его в гроб и положили... Вот так! А ежели он комнату держит за собой, пушай за свет платит за двоих. И за телефон, и другие коммунальные услуги... Правильно я говорю или нет?

Из бурного потока слов, вырвавшегося из Жариковой, Гольст, наконец, понял: речь шла не о Дунайском, а о другом жильце квартиры – Брендючкове. Георгий Робертович попытался перевести разговор на Валериана Ипатьевича, но свидетельница продолжала изливать свою душу насчет бухгалтера. И что он жжет электричества больше всех, потому что по ночам «шуршит бумагами», никак свои темные делишки обделывает. А каждую субботу нарядится, старый козел, что твой петух, и по ресторанам шляется, хоть и уверяет, что в театр ходит.

– Вам, гражданин начальник, давно разобратся надо, что к чему. И за ушко его да на солнышко! – гремел ее голос. – Раскулачить пора буржуя недобитого!

– Хорошо, хорошо, – остановил старуху Гольст. – А что вы можете сказать о Дунайском и его жене?

– Вот Валериан Ипатьевич – совсем другое дело. Очень серьезный человек. Аккуратный. И ванну за собой помоем, и свет потушит. На кухню выйдет, поздоровается, спросит: «Как здоровье, как дела, Гликерия Саввична...» Сразу видно, культурный человек. Не то что некоторые: стеклышки нацепит на нос, а внутри хамло хамлом...

– Ну, а Нина? – продолжал Гольст.

– Ой, хорошая, ничего не скажу. Неделю за себя убирается по всей квартире, а вторую – за мужа. Третью – за гостей. – Жарикова умилительно сощурила глазки. – С такой соседкой жить одно удовольствие...

– А как они между собой жили? – спросил следователь.

– В согласии. Валериан Ипатьевич уважал ее. Дома держал. Сейчас мода, чтобы женщина работала. А я так думаю: наше бабское дело у плиты да с детишками. – Она вздохнула. – Правда, бог им дитя не дал...

– Ссорились?

– Не без этого. В каждой семье случается...

– Драк не было?

– Были. А у кого их нет? Мой Афанасий тоже уважал меня. Но иногда тоже руки в ход пускал, если лишку принимал... Так ведь говорят: чем шибче любит, тем сильнее... – Она показала свой пухлый кулак.

– А вы с Ниной Амировой ладили?

– Как мать с дочерью.

– Она была откровенна с вами?

– А с кем ей еще толковать? Мужики уйдут на службу, мы в квартире одни... Советовалась, к примеру, какое платье шить, пальтишко...

– Валериан Ипатьевич хорошо одевал жену?

Жарикова замялась.

– Да как сказать... Не баловал. Неплохой Валериан Ипатьевич мужчина, но... Прижимистый, одним словом. Оно и понятно: работает один, лишнего нет... Ниночка и крутилась. Прошлым летом ей сестра Тамара подарила на платье отрез красивого маркизета. Мы, значит, прикинули, куда лучше отдать, чтобы и хорошо пошили, и недорого... У нас этажом ниже портниха живет, шьет частным образом. Нина не захотела. Хоть и быстро, да на пятерку дороже, чем в артели... Я посоветовала на дом вызвать. В газетах предлагают...

Гольст вспомнил, что и сам не раз читал рекламу Мосшвейсоюза, который «высылает на дом высококвалифицированных закройщиц-модисток. Срок исполнения 10-20 дней».

– Позвонили по телефону, – продолжала Жарикова. – За вызов, оказывается, тоже платить надо... А тут я встретила на рынке землячку. Бывает же, она аккурат приемщицей служит в швейной артели. Присоветовала портниху. Нина отдала платье... А потом, значит... – Жарикова замолчала.

– Что потом? – спросил Гольст.

– Уехала Нина.

– А платье новое получила?

– То-то и оно, что не получила. Валериан Ипатьевич это платье забрал... А еще я ей как-то посоветовала хорошего сапожника...

– Погодите, погодите, – остановил Гликерию Саввичну Гольст. – Когда, говорите, Амирова отдала шить платье?

– Дайте припомнить, – приложила палец к щеке Жарикова. – В середине июня...

– Прошлого года?

– А какого же? Прошлого. Я, значит, поехала в конце июня к матери, она во Владимирской губернии в деревне живет. Помогаю, ей уже девяносто второй год пошел, еле-еле двигается...

– Вы говорите, Амирова сдала шить платье в артель в середине июня. Так? – спросил Гольст.

– Так и было.

– А когда она должна была его забрать?

– Двадцать дней шьют. Такой срок, помню, установили... Выходит, готово оно было числа пятнадцатого июля. Ну да! Я приехала из деревни четырнадцатого июля, звонит землячка, что в артели приемщицей, говорит: твоя заказчица не берет платье... Я сказала Валериану Ипатьевичу, он и забрал...

Гольст с трудом скрыл волнение. Это было очень важное показание.

На вопрос Гольста, бывали ли у Амировой в гостях мужчины во время отсутствия Дунайского, Жарикова ответила отрицательно. И звонков от мужчин она тоже не помнила. Правда, Жарикова довольно часто уезжала навестить престарелую мать, так что гости могли посещать Амирову в это время...

В дверь заглянула Лена Захарова и кивнула головой. Это означало, что

Брендючков доставлен.

Георгий Робертович не хотел, чтобы Жарикова покидала стены прокуратуры, пока он, наконец, не приступит к допросу Дунайского, – чем черт не шутит...

– Елена Михайловна, – попросил Гольст практикантку, – пожалуйста, проведите Гликерию Саввичну в соседнюю комнату.

– Да-да, конечно... – Захарова вопросительно посмотрела на следователя.

– Вы, – повернулся к свидетельнице Гольст, – прочтите протокол там, в том кабинете. Внимательно, ничего не пропуская...

– Не умею я читать, товарищ начальник, – призналась Жарикова. – Да кабы знала грамоту, поплясал бы у меня Брендючков! Все бы отписала, куда следует...

– Ладно, ладно, вам прочтут. Может быть, еще что-то вспомните, расскажете мне потом. Договорились?

– А почему бы нет, – поднялась старуха и, уважительно поглядев на девушку, двинулась к дверям.

Георгий Робертович передал протокол допроса практикантке, шепнув:

– Дайте ей выговориться. О чем угодно. И подольше... Как договорились...

В дверях Жарикова столкнулась с Брендючковым. Она с нескрываемым злорадством посмотрела на своего соседа, от чего, как показалось Гольсту, тот сжался, суетливо подался в сторону, пропуская старуху.

Ипполит Васильевич Брендючков был невысокий, худощавый, удивительно стройный мужчина лет пятидесяти пяти. И хотя внизу была раздевалка, Яша, видать, снова перестарался: свидетель вошел в кастровом пальто, подбитом лисой, и смушковой шапке пирожком, которую он, войдя в кабинет, поспешно снял рукой за верх и прижал к груди. Идеальный пробор, тонкий прямой нос с высоко вырезанными ноздрями, на котором поблескивало пенсне; массивный перстень с печаткой на холеной руке довершал его облик.

– Изволили меня вызвать, товарищ следователь? – спросил он, чуть картавя.

– Да, Ипполит Васильевич. Раздевайтесь, прошу вас, – сказал Гольст, показывая на стул.

Брендючков аккуратно снял галоши с ярко-красной суконной подкладкой, поставил их под вешалку; повесил пальто и шапку, провел рукой по прическе, и так лежащей волосок к волоску, подошел к стулу и сел прямо, как будто к его спине был привязан аршин.

«Словно сейчас из Благородного собрания», – отметил про себя Гольст. Таких типажей ему уже давненько не приходилось видеть.

Ипполит Васильевич вынул из внутреннего кармана портмоне тисненой кожи и достал желтую от времени бумагу, упрятанную в прозрачный целлулоид. По тому, как подрагивали его пальцы, следователь понял, что Брендючков волнуется. И изрядно.

– Чтобы сразу как-то исключить недоразумение по поводу принадлежащего мне личного строения, полученного по наследству, будьте

любезны, ознакомьтесь, пожалуйста,— протянул он бумагу Гольсту.

Георгий Робертович машинально взял ее и с опаской развернул, боясь, что она рассыплется у него в руках. Размашистым почерком на ней был напечатан текст, решительный, как пулеметная очередь: «Сим подтверждаю, что в Первую русскую революцию 1905 года гражданином Брендючковым В. В. мне была оказана помощь от ран, полученных в борьбе с царским самодержавием, отчего я выжил, а гражданин Брендючков В. В. за вышеозначенные действия подвергался преследованиям жандармских ищеек. Начальник УЧК¹ Михаил Гудков».

Подлинность подписи заверяла печать.

Гольст с любопытством глянул на собеседника: такого документа ему еще не приходилось держать в руках.

— Значит, вы имеете отношение к медицине?— спросил он, возвращая бумагу.

— Простите, вы не обратили внимания на инициалы «В. В.», Василий Венедиктович. Мой отец...— Брендючков аккуратно спрятал охранную грамоту в портмоне.— Позвольте полюбопытствовать, вы, случаем, не москвич?

— Из Коломны.

— Тогда вряд ли знаете... Мой отец владел аптекой в Хамовниках. Нет, вы не подумайте, сомнительных снадобий он не держал... Закончил институт в Дрездене, стажировался во Франции, в институте великого Пастера... И товарища Гудкова он действительно спас... До октября семнадцатого, как указано в документе, находился под надзором полиции.— Брендючков снял пенсне, протер его замшевым лоскутом и снова надел.— Учитывая его заслуги перед Совдепами, нашей семье разрешили иметь дачу, которую он в соответствии с актом, оформленным у нотариуса, передал в наследство вашему покорному слуге,— чуть поклонился Ипполит Васильевич и снова извлек бумажник.

— Нет-нет,— поспешно остановил его следователь, понимая, что надо поскорее разрешить недоразумение.— Я вам верю. Дача меня не интересует нисколько.

— Как же-с? — растерялся Брендючков, кивая на дверь.— А моя соседка? Признаюсь, у нас постоянный афронт. То есть с ее стороны. Хотя, смею вас заверить, я никогда никакого повода не давал.

— Понимаю... Не в этом дело,— снова перебил Гольст.

— А в чем? Во второй комнате, которую я занимаю?— спросил Брендючков, опять доставая бумажник.— Пожалуйста... Мой сын Павлуша завербовался на Север. А по положению площадь бронируется...

— Да нет, Ипполит Васильевич, у меня лично к вам нет никаких претензий... Просто хочу кое-что выяснить о семье Дунайского.

— Валериана Ипатьевича?

— Да. И Нины Амировой. Ведь вы живете бок о бок. Они у вас на виду...

---

¹ Уездная чрезвычайная комиссия.

– Да-да, конечно.– Ипполит Васильевич поправил пенсне.– А что именно вас интересует?

– Какие у них были взаимоотношения?

– Знаете, интересоваться частной жизнью...– замялся Брендючков.– Это, по-моему, не интеллигентно.

– Но может быть, вы что-нибудь слышали?

– Нет-нет,– поспешно перебил следователя Брендючков.– Я слухам не верю. И вообще, привык иметь дело с документами. И чтобы обязательно по форме – подпись и печать...

Георгий Робертович понял: с Брендючковым будет говорить совсем не просто – тот боялся всего на свете.

– Хорошо,– решил изменить тактику Гольст.– От кого вы узнали, что Нина уехала?

– От самого Дунайского.

– Когда он сообщил вам об этом и в какой форме?

– Летом я редко живу на городской квартире. Жара. Особенно прошлым летом... Так вот, в понедельник...

– Какого числа?

– В июле.– Брендючков подумал.– Да, тринадцатого июля я перед поездкой на дачу зашел домой. Забрать корреспонденцию, кое-какие книги, белье... Валериан Ипатьевич варил на кухне сосиски. Я еще обратил внимание на этот факт. Раньше он порог кухни не переступал, все делала жена... Я спросил, как дела, как Ниночка... А он вдруг расплакался. Уехала, говорит, Нина. Ушла от меня... Я, знаете, даже растерялся. Дело тонкое, личного свойства... Помните, у Толстого: все семьи счастливы одинаково, а несчастливы по-разному? Хотел было уйти к себе, но Валериан Ипатьевич стал изливать свое горе... Обычно он был сдержан, молчалив, а тут его словно прорвало... Стал говорить о каком-то адюльтере. Незнакомец-соперник, автомобиль у подъезда, побег на курорт... Прямо как дешевая бульварная фильма.– Брендючков сказал не «фильм», а «фильма», как произносили лет десять назад.– Я, знаете ли, просто ушам своим не поверил. Чтобы Нина... Нет-нет!

– Почему?

– Простая душа! Дитя природы! Роль роковой женщины совсем не ее ампула... По натуре она Офелия, где-то – Дездемона...

– А Валериан Ипатьевич?

– Отелло. Но с нашими, русскими страстями... У меня жил племянник Алеша, видный из себя, так я строго-настрога предупредил его, чтобы с Ниной никакого флирта, даже светских разговоров... Она, признаться, по-своему хороша. Да и Алеша, как я уже говорил, недурен. Дело молодое, кровь играет...

«Стоп,– подумал Гольст.– Племянник – новое лицо...»

– Но Алеша,– продолжал Брендючков,– и сам заметил, что наш сосед весьма и весьма ревнив. Племянник слышал, как Валериан Ипатьевич устроил какую-то сцену супруге. Кажется, даже ударил по лицу.– Брендючков состроил грустную мину.– Дурной тон, скажу я вам...

– Когда это было?
– За месяц до того, как Нина уехала.
– А ваш племянник не в Москве живет?
– Сам он из Киева, военный летчик, – с гордостью сказал Брендючков.
– Женат?
– Холост.
– Когда вы видели его последний раз?
– С того приезда не виделись.
– А когда он уехал?
– Второго июля проводил. Как сейчас помню, у Алеши было назначение явиться к месту службы на Дальнем Востоке десятого июля...
– Значит, сейчас он там?
– Не знаю, не знаю, – многозначительно посмотрел на следователя Ипполит Васильевич. – Писем от него нет с июльских событий в Испании...

По всему, Брендючков на что-то очень прозрачно намекал. И хотя ни в газетах, ни по радио не сообщалось, но многие догадывались, что в составе интернациональных бригад сражаются и наши добровольцы. Советский народ не мог оставить в беде республиканскую Испанию...

Раздался телефонный звонок. Это был следователь Зенкевич. Условной фразой он дал знать, что Дунайский у него.

Положив трубку, Гольст снова вернулся к допросу. По словам Брендюčkова, первое время – недели две-три – Дунайский очень переживал. Но постепенно успокоился. Во всяком случае, внешне. Это совпадало и с показаниями сестры убитой.

На всякий случай Георгий Робертович взял у Ипполита Васильевича адрес племянника.

Вернулся Яша Поляков, ездивший с повесткой за врачом Бориным. Тот, как выяснилось, срочно выехал в область, на сложную операцию. Составленный ранее план Гольсту приходилось корректировать на ходу.

Георгий Робертович попросил Брендюčkова, как и предыдущую свидетельницу, ознакомиться с протоколом в соседней комнате. С ним пошел практикант.

Гольст позвонил к Зенкевичу.

– Дунайский еще у тебя? – спросил он.

– Разумеется, – спокойно ответил Зенкевич. – Заканчиваем минут через пять.

– Отлично. Сразу проводи его ко мне. Сам, понял? Передашь из рук в руки.

– Идет, – так же невозмутимо сказал его коллега.

Затем Гольст позвонил и вызвал конвой с «воронком». Последний звонок перед трудным разговором – звонок секретарю. Чтобы через пятнадцать минут отпустили повестки и отпустили Жарикову с Брендючковым, а также студентов-практикантов. То, что допрос предстоял очень трудный, Георгий Робертович понимал со всей отчетливостью.

Следователь волновался. Руки сами по себе, машинально, перекладывали

на столе бумаги. Гольст поймал себя на мысли, что прислушивается к каждому звуку в коридоре. Он еще и еще раз перебирал в голове, какие факты и улики он может предъявить Дунайскому, которые могли бы прозвучать твердо и убедительно.

Помимо того, что было уже известно до разговора с соседями Валериана Ипатьевича и обсуждено с Сапожниковым, два обстоятельства окончательно убедили Гольста в правоте его догадки: история с платьем и поведение Дунайского 13 июля, то есть на следующий день после исчезновения жены.

Георгий Робертович никак не мог представить, что Нина, собираясь уехать от мужа куда-то, не забрала бы из ателье уже готовое платье. С ее-то и без того скудным гардеробом. Напрашивался всего один вывод: никуда она ехать не намеревалась и не уезжала.

Второе. Из всего услышанного следователем о характере и натуре Дунайского вытекало, что это волевой, умеющий сдерживать свои чувства человек. И вдруг он сам изливается перед Брендючковым о побеге жены. Да еще в таких подробностях, которые уважающий себя мужчина опустил бы.

Что это – истерика? Допустим. Но ведь прошел день! Конечно, Нина могла уйти. Однако здравомыслящий, сдержанный человек, скорее всего, постарался бы убедить себя, что жена может еще одуматься, раскаяться в своем поступке и вернуться!

Значит, это была, по всей вероятности, хорошо задуманная инсценировка. Варил себе спокойно сосиски, а тут появляется сосед. И Дунайский, видимо, заранее проигравший в голове сцену неутешного горя брошенного мужа, «выворачивает» ему душу. Со слезами и трагическими нотками в голосе.

Георгий Робертович вынул из ящика стола ордер на арест Дунайского, хотел вложить в папку с делом об убийстве Амировой, но потом раздумал и положил на место.

«И все же понадобится он или нет? еще и еще раз спрашивал себя следователь.– Что, если допрашиваемый приведет такие доводы, которые опровергнут мои убеждения? Может быть, действительно убийца не он? Тогда не поздоровится ни мне, ни прокурору города».

В дверь постучали. И Зенкевич, оставив Дунайского в кабинете наедине с Гольстом, вышел.

– Здравствуйте, Валериан Ипатьевич,– вежливо поздоровался Гольст и предложил ему сесть.

– Добрый день,– с улыбкой (как показалось Гольсту, деланной) ответил Дунайский.– Какие на этот раз будут вопросы?

– В отношении вашей жены,–спокойно сказал Гольст.

Дунайский сидел, положив ногу на ногу, в добротном кителе, которые носили теперь многие из служащих, в галифе и сапогах. Китиль был шевиотовый, сапоги – хромовые. Из-за этой полувоенной формы он совсем не походил на врача.

– Да?– чуть помедлив, сказал Валериан Ипатьевич.

Гольст отметил, что Дунайский хорошо выбрит, подтянут. Но в этой подтянутости не ускользнула от следователя едва уловимая нервная

напряженность.

– Вы знаете, что возбуждено уголовное дело в связи с ее исчезновением? – продолжал Георгий Робертович.

– Не знаю, но догадываюсь... И чем я могу быть полезен?

– Требуется ваши показания об обстоятельствах исчезновения Нины Арефьевны Амировой.

– Я об этом рассказывал. И неоднократно, – вскинул брови Дунайский.

– А теперь сделайте это официально, для протокола. И прошу, подробнее.

– Что именно вас интересует? – спросил Дунайский. – Право, не знаю, с чего начать...

– Как познакомились, как у вас складывались семейные отношения... В общем, все, вплоть до того, как она пропала.

– Ну что же... Пожалуйста. – Он тронул пальцем чернильный прибор на столе. – Встретились мы случайно. Можно сказать, в совсем неподходящей для этого обстановке... Меня пригласили прочесть лекцию на автозаводе. Знакомый инженер...

И Дунайский рассказал то, что уже было известно Гольсту: автозавод, вечер отдыха, лекция, танцы...

– Нина мне понравилась сразу. Получилось как у молодого – любовь с первого взгляда, – продолжал Валериан Ипатьевич. – Признаюсь, Георгий Робертович, вначале мне казалось, что судьба меня осчастливила. Чистое, неиспорченное существо. Притом красива, стройна, молода. И хозяйка хорошая. Женился я немолодым, когда уже выбираешь... Думал, выбрал по сердцу и душе. Думал, – Дунайский горько усмехнулся. – Хорошо сварить щи, быть смазливой – как это мало для счастья... Нет, в принципе я против Нины не имел ничего. Она вполне могла устроить человека, для которого духовные запросы имеют самое последнее место в жизни. Я знаю многих, которых интересует лишь быт. Увы, я не таков...

Короче, постепенно ослепление прошло, и я увидел – обыкновенная мещанка. Может, виновато отсутствие образования, не знаю, но, сколько я ни бился, не мог сделать из нее человека возвышенного. – Он махнул рукой. – Да что там возвышенного, просто культурного... Признаюсь, мне было иногда не по себе с ней в обществе. Ее интересы – деньги, тряпки. Что, кстати, подогревалось ее сестрой Тamarой. Вообще, скажу вам, ее сестрица с мужем Федором сильно портили мне жизнь. Вернее, пытались. Федор – пьянчужка и вор, как выпьет, лезет учить меня жить. Нина бегала к ним чуть ли не каждую неделю. И как вернется от своих – прямо другой человек! Вот, мол, у Тamarы туфли новые, платье не платье... Но откуда я возьму деньги на разные фильдеперсы да панбархаты? Зарплата обыкновенного совслужащего, взяток не беру. Да и с кого? С покойников?

Дунайский замолчал, печально посмотрел на следователя, словно хотел, чтобы тот посочувствовал. Но Георгий Робертович молчал.

– Видя тлетворное влияние сестриной семейки, я порвал с ними всякие отношения. А вернее, однажды скандал закатил Тамарин муженек. Я не выдержал и хлопнул дверью. Ну уж как тут утерпеть, когда тебя оскорбляет

какой-то вахлак!...

Гольст видел, что Дунайский передергивает. Точнее – врет. Федор Кулагин по отзывам на заводе считался одним из лучших рабочих в цеху, одним из первых получил звание стахановца. И морально был устойчив, не пил. Зачем же Валериану Ипатьевичу было врать? Значит, была какая-то цель.

– Ладно, бог им судья, – вздохнул Дунайский. – Вернусь к Нине... Зная все ее недостатки, я продолжал любить ее. Привык, что ли. Но... Тяжело признаваться, но у следователя надо быть как на духу... От бездуховности, от ничтожества интересов – шаг до нечистоплотности. Поймите меня, Георгий Робертович, я вам первому признаюсь... Я страдал. Сначала молча. Поверьте, видеть, как жена заводит шашни с твоими же друзьями. Как это низко и пошло! Кричать об этом на всю ивановскую – бесчестить себя. Молча наблюдать? Ну, и начались у нас ссоры на этой почве. Я даже как-то не удержался и ударил ее. – Дунайский провел рукой по лбу, словно стараясь стереть эти воспоминания. – Я понимаю, что это некрасиво, недостойно интеллигентного человека. А что поделаешь? Когда тут кипит! – ударил он себя в грудь. – И я не нашел иного выхода, перестал приглашать к себе домой друзей. Но видимо, мера эта была глупой. Разве же этим переделаешь человека?

Дунайский замолчал. Воспользовавшись паузой, Гольст задал вопрос:

– Вы можете назвать, кого из друзей вы имеете в виду?

– Как ни прискорбно, да... Хрумин. Инженер Хрумин, мой старинный друг... И вот в чем анекдот: именно он и пригласил меня прочитать лекцию на заводе, где мы и познакомились с моей будущей супругой... Верно говорят, когда речь идет о женщине, о деньгах или власти, ни в ком нельзя быть уверенным...

Это была еще одна ложь: Хрумин не бывал у Дунайского четыре года.

– Еще кто? – спросил Гольст.

– Борин. Хирург. Тот вообще равнодушен к прекрасному полу. Ни одной юбки не пропустит...

– Еще?

– Еще?... Позвонил какой-то мужчина, сказал, что Нина уехала с секретарем французского посольства, – криво усмехнулся Дунайский.

– Еще кто?

– Да имеет ли это значение? После всего я могу подозревать каждого. И потому не хочу возводить на кого-нибудь напраслину... Так вот. Я, значит, с Ниной и по-хорошему, и по-плохому – результата никакого. Да еще, главное, угрожает: если меня не устраивает, так она может и уйти, примут ее с распростертыми объятиями. А я-то, наивный глупец, думал, что она только страшит. – Дунайский передохнул. Гольст ждал. – Перехожу к тому дню, когда была перечеркнута вся наша жизнь. Моя любовь, мое терпение... Это было двенадцатое июля 1936 года. У меня было срочное вскрытие. Я позвонил Нине, что задержусь, но приехал раньше. И застаю такую картину. Посреди комнаты – собранный чемодан. На Нине – ее лучшее платье, туфли, в руках сумочка. Я опешил. Куда, спрашиваю. Заявляет: на курорт. Что, мол, я хуже других? За пять лет, говорит, не смог свозить меня на море... Знаете, когда на тебя такое

сваливается, не сразу найдешь, что ответить и что сделать... Я спрашиваю: если на курорт, зачем все вещи? А она в ответ: может быть, сюда, то есть ко мне, и не вернется... Не успел я опомниться, она подхватила чемодан и к дверям. Меня – словно обухом по голове. Я остолбенел. Ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Очнулся, когда хлопнула дверь. Я было хотел броситься за ней, потом подумал: ну, догоню, а дальше? Что скажу? Просить, умолять? Мерзко и унижительно... Я – к окну. Смотрю, она выбежала из подъезда и напрямиком к такси на противоположной стороне улицы. Села в авто и уехала. Я только успел заметить, что на заднем сиденье был какой-то мужчина. В шляпе...

Валериан Ипатьевич долго и молча смотрел в окно. Там на ветках блестел снег, чуть розовеющий от раннего зимнего заката.

– Вы разглядели этого мужчину? – спросил Гольст.

– Нет. Говорю же, только шляпу запомнил... И, признаюсь, я не поверил насчет курорта. Думаю, может, в гостиницу. Или на дачу... Перебесится, вернется... Как я провел ночь, не помню. Ходил из угла в угол. Утром пошел на работу. Весь день – как на иголках. Вернулся – нету. Выходит, думаю, серьезно... А когда прошло еще некоторое время, я понял окончательно, что остался один. И растерялся. Как жить дальше? Самому готовить, стирать, убирать квартиру? У себя в комнате еще ничего. А в ванной, туалете? – Дунайский вдруг как бы спохватился: – Вы, наверное, думаете: только что говорил о любви, а тут – проза. Да-да, дорогой Георгий Робертович, когда я нос к носу столкнулся с бытом, это очень огорчило меня...

Вам не приходилось вдруг стать холостяком? – неожиданно спросил судебный врач и сам ответил: – Не пожелаю, честное слово!... Но быт бытом, а чувствую – люблю. Все еще люблю. Потом... – Он немного замялся. – Да что греха таить, мы люди взрослые... Физиология. Она свое берет. По своей натуре я однолюб и вообще терпеть не могу мимолетные связи... Прошел месяц. Я помимо переживаний стал беспокоиться. Просто по-человечески. На мои письма все ее знакомые и родственники отвечали, что Нина никому не пишет и ни у кого не объявлялась... Тамара, ее сестра, по моей просьбе связалась с подругами Нины и матерью. Результат был тот же. Тогда я встревожился не на шутку. И двадцать девятого августа заявил в МУР. И все время интересовался, как идут поиски. Увы... – Он развел руками. – Дальнейшее, видимо, вам известно. Ее следов нет и по сей день...

– А раньше, до двадцать девятого августа, вы делились с кем-нибудь из своих коллег по службе?

– Я уже сказал: стыдно было признаваться. Но уж когда почувствовал, что дальше ждать нечего, подал заявление в МУР официально, двадцать девятого августа, – повторил он дату. – Даже ее фотографии представил, чтобы облегчить розыск.

– Ясно, – кивнул следователь. – Вы-то сами собирались расторгнуть с женой брак?

– Нет. Вернее, мысли, конечно, возникали иногда. После ссор. Но чтобы серьезно...

– Так с кем она, по вашему мнению, уехала?

– Я думал, с Хруминым. Но потом узнал, что Игорь Иванович был в это время на Памире, даже в какую-то беду попал в горах. Потом у меня возникла мысль: может, с Бориным?– Дунайский пожал плечами.– И того как-то встретил на улице Горького... А теперь даже не знаю, кто мог ее увезти. По-моему, насчет секретаря французского посольства – чушь! А впрочем...

– Какие вещи взяла с собой Нина?

– Я уже указывал.

– Повторите, пожалуйста, еще,– спокойно попросил Гольст.

– Да разве сейчас все вспомнишь?

– Попробуйте.

– Деньги, значит. Денег – четыре тысячи. Облигации на сумму три тысячи... Мои золотые часы,– перечислял Дунайский, загибая пальцы.– Свое зимнее пальто...

– Может, вы изложите на бумаге? – спросил следователь.

Дунайский бросил на Гольста, как ему показалось, подозрительный взгляд.

– Да я лучше так, на память...

– Пожалуйста, вот вам ручка, вот листок,– решительно сказал Георгий Робертович.

Бумагу Дунайский взял, а из кармана кителя извлек авторучку. Через некоторое время он протянул список следователю. Гольст внимательно ознакомился с ним. Были перечислены все личные вещи Амировой – зимнее и демисезонное пальто, платье, кофточки, юбки, блузки, обувь, нижнее белье. Фигурировали также скатерть, хрустальная ваза, серебряные ложки и вилки.

– В чем она увезла вещи? – спросил Гольст.

– В чемодане.

– Каком?

– В нашем. Ну, таком, фибровом...

«Ну и ну,– подумал Георгий Робертович,– какой же величины должен быть чемодан, чтобы поместить все это?»

– Большой чемодан-то? – как бы невзначай спросил Гольст.

– Да нет,– ответил Дунайский. И вдруг его глаза забегали. Кажется, он почувствовал ловушку.

– А точнее? – настаивал следователь.– Покажите: такой, такой или такой? – отмерял на столе руками Гольст.

– Какое это имеет значение? – раздраженно сказал Дунайский.– Не помню точно.

– Свой чемодан запомнили?

Дунайский сузил глаза и с вызовом произнес:

– На каком основании вы допрашиваете меня в таком тоне? Слово подозреваете в чем-то!

– Подозреваю,– спокойно сказал Гольст и добавил:– В убийстве жены.

Дунайский вскочил, словно его подкинуло пружиной.

– Это чудовищно! Абсурд! Вздор! Да еще клевета!– гневно бросал он в лицо следователю.– Вы, значит, думаете, что она убита?! – гремел он.

– Конечно,– невозмутимо продолжал следователь.– И по-моему, убита вами!

Дунайский некоторое время с ненавистью смотрел в глаза Гольста, вцепившись в спинку стула так, что побелели костяшки, потом выдохнул:

– Так где же части ее трупa? Где?! Я вас спрашиваю, где?

И тут уже не выдержал Гольст.

– Сядьте! – повысил он голос.– Сейчас же сядьте!

Этот окрик следователь позволил себе для того, чтобы охладить Дунайского, который в порыве гнева даже не заметил, что выдал себя с головой.

– Сядьте,– в третий раз и уже спокойно повторил Георгий Робертович.– Части ее трупa вы разбросали по линии Северной железной дороги... На Язуе, в Богородском лесу, в Болшеве...

– Но почему я? Почему? И кто дал вам право утверждать это? – резко и зло бросил Дунайский.

– Вы сами.

– Когда?

– Да только что...

– Я?! – задохнулся от возмущения Дунайский.– Каким это образом?!

– Потому что вы спросили, где части трупa... Поняли? Части! – отчетливо выговаривая каждое слово, хладнокровно произнес Гольст.– А о том, что труп расчленен, мог знать только тот, кто сам... И если я до последней минуты сомневался, то теперь уверен: Нина Амирова убита вами! И никем другим!

– Я не говорил о частях трупa! – снова вскочил Дунайский.– Это ложь! Наглая ложь! – возмущался он, брызгая слюной.– Передергиваете, товарищ Гольст! Самым постыдным образом! Но я не лыком шит! Стреляный воробей, на мякине не проведешь... Нет, ваши штучки не застали меня врасплох! Я не позволю! Не по-зво-лю! Найду на вас управу! Дойду до... до... до...– он лихорадочно подыскивал слова,– до самого товарища Сталина!

Георгий Робертович дал Дунайскому выговориться. Он понимал: тот прекрасно сознавал, что совершил роковую ошибку, заявив о частях трупa. Поэтому и бесится. Простить себе не может.

– И, будьте уверены, я добьюсь! Я буду писать, буду жаловаться! – выкрикнул Дунайский, плюхаясь на стул. Он видел, что на следователя его угрозы не произвели никакого впечатления, и все же добавил: – У меня есть друзья, которые меня не оставят.

– Жалуйтесь,– сказал Гольст ровным голосом, когда Дунайский замолк.– Это ваше право. И право ваших друзей... А пока прошу подписать протокол допроса.

– Не буду! – зло бросил Дунайский.– Что я, дурак? Вы там наплели черт знает что...

– Я записал ваши показания слово в слово.

– О каких-то там частях, как вы утверждаете, я не говорил,– упрямо повторил Дунайский.

– Можете оговорить это обстоятельство,– сказал следователь.– Так и

запишите, что не упоминали о частях...

Дунайский некоторое время колебался. Затем пододвинул к себе протокол допроса, внимательно прочитал его. Достал свою авторучку и аккуратным почерком вывел: «Слова «части трупа», приписываемые мне следователем Гольстом, я не произносил». Он поставил подпись под этим добавлением и расписался на каждой странице протокола.

– Я могу считать себя свободным? – спросил он, завинчивая колпачок ручки.

– Нет. До сих пор я беседовал с вами как со свидетелем. А теперь предъявляю вам официальное обвинение в убийстве жены Амировой Нины Арефьевны. Прошу ознакомиться с постановлением.

Гольст протянул обвиняемому документ.

– Вы, значит, гнете свое, – усмехнулся Дунайский. – Я не буду читать никаких ваших постановлений... Это провокация!

И хотя лицо его побледнело, на этот раз Дунайский сдержался, не кричал.

– Вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении? – спросил Гольст.

– Нет, не признаю. И вообще отвергаю какую-нибудь клевету в мой адрес. И протестую!

– Я хочу вас ознакомить с вашими правами в качестве обвиняемого, – спокойно продолжал следователь.

– Перестаньте ломать комедию, – зло бросил Дунайский. – Вы не заманите меня в свои сети.

– Значит, не желаете?

– Не желаю!

– Хорошо. Прошу ознакомиться с заключением судебно-медицинской экспертизы...

Видимо, в Дунайском происходила борьба. Наконец любопытство или какие другие соображения взяли верх. Он стал читать акт судебно-медицинской экспертизы.

– Запомните, – сказал он с иезуитской усмешкой, – я читаю этот документ не в качестве обвиняемого, как вы выразились, а просто... Из чисто профессионального интереса...

Гольст включил свет, потому что в комнату вползли сумерки.

– Благодарю, – сухо произнес Дунайский и углубился в чтение.

Он изредка качал головой похмыкивал и, кончив читать, изрек:

– Очень сомнительные выводы. Очень. Поражаюсь Петру Сергеевичу...

Ну да, – отдал он документ следователю, – представляю, как вы на него надавили...

– С чем вы не согласны в заключении? – спросил Гольст.

– У меня нет никакого желания обсуждать это с вами, – отрезал Дунайский.

«Понятно, – подумал следователь, – выигрывает время. Хочет все обдумать и подготовиться к обороне. А может быть, и к активному нападению».

На дальнейшие вопросы Обвиняемый отвечать отказался. Когда его выводил конвой, он снова стал кричать, протестовать и грозиться.

Его отвезли в Таганскую тюрьму.

Оставшись один, Георгий Робертович вдруг почувствовал невероятную усталость. Трудный был день, потребовавший от него сильного нервного напряжения.

Гольст долго сидел, не притрагиваясь ни к одной бумажке на столе. Но в голове билась мысль: надо что-то делать. Теперь он уже мог действовать в открытую. Первое, что считал необходимым следователь, – обыск на квартире Дунайского.

Георгий Робертович глянул в темное окно, за которым на Москву опустилась ранняя февральская ночь. И с сожалением подумал о том, что мероприятие это придется отложить на завтра: при электрическом освещении легче упустить какую-нибудь важную деталь.

На следующий день с утра Гольст оформил ордер на обыск. Но прежде чем отправиться на квартиру Дунайского, он зашел в артель Мосшвейсоюза, где шила свое последнее платье Амирова, которое она так никогда и не надела.

По регистрационной книге приема и выдачи заказов Георгий Робертович установил, что Нина Амирова действительно 19 июня 1936 года отдала шить платье из своего материала – маркизета. Срок изготовления указан 9 июля.

И тут Гольст выяснил одно важное обстоятельство: готовое платье было взято по письменному заявлению самим Дунайским... 15 июля. Пятнадцатого! То есть спустя всего три дня после «побега» жены!

Почему он решил забрать его, да еще так быстро?

«Интересно, – думал следователь, – что скажет на это Дунайский?»

Во всяком случае, это был еще один козырь для следствия.

Там же, в артели Мосшвейсоюза, Георгий Робертович нашел интересные сведения – размеры фигуры Нины Амировой, снятые закройщиком. Объем груди, талии, бедер, ширина плеч и так далее, что могло послужить дополнительным доказательством при идентификации частей трупа.

От артели до уголовного дома на Кропоткинской, где жил Дунайский, было недалеко, и Гольст дошел до него за несколько минут. Около подъезда стояла «эмка». Георгий Робертович узнал машину прокурора города. Не успел следователь с ней поравняться, – как из дверцы выскочила секретарь прокурора города.

– Георгий Робертович, – взволнованно произнесла она, – а я вас жду, жду!...

– А что случилось? – встревожился Гольст.

– Срочно! Понимаете, срочно требуют вас в Прокуратуру Союза!

Выяснилось, что как только Георгий Робертович вышел из прокуратуры города, позвонил начальник следственного отдела Прокуратуры Союза ССР Лев Романович Шейнин и велел Гольсту немедленно явиться к нему.

– Почему такая спешка? – недоумевал Гольст, стараясь разгадать, за какие такие грехи начальство срочно требует его пред свои очи.

С Шейниным Георгия Робертовича связывала давнишняя дружба. Они одно время вместе работали следователями прокуратуры Краснопресненского района, которая находилась в Столешниковом переулке. Для Гольста Шейнин

был просто Лева, а тот называл Георгия Робертовича Жоржем. Впрочем, и сейчас в неслужебной обстановке они так и обращались друг к другу – по имени, без отчества.

Неподалеку стояла будка телефона-автомата.

– Я сейчас, – бросил секретарю прокурора следователь и зашел в будку.

– Лев Романович, Гольст звонит...

– Давай ко мне, Жорж, – сказал Шейнин. – И побыстрее.

– В чем дело?

– Не телефонный разговор...

То, что Шейнин назвал его Жоржем, успокаивало, а вот срочность все еще настораживала.

Шофер «эмки» жал вовсю, и минут через пятнадцать они были на Пушкинской улице (Прокуратура Союза ССР и поныне находится в том же здании).

В коридоре прокуратуры Гольст встретил заместителя Шейнина Георгия Николаевича Александрова.

– С тобой не соскучишься, – усмехнулся тот, пожимая руку следователю.

– А что такое? – спросил Гольст; его снова охватила тревога.

– Лев Романович объяснит, – ответил Александров.

В приемной Шейнина Гольсту сказали, что его уже ждут.

– Садись, рассказывай, – предложил Шейнин после приветствия, заряжая мундштук сигаретой и затягиваясь.

– О чем именно?

– Об этом судебном враче, Дунайском... Он проходит у тебя по делу. Так?

– Да. Вчера взят под стражу.

– Давай подробнее.

Гольст, стараясь не пропустить ни одной детали, доложил ему все обстоятельства, касающиеся дела Амировой. Как оно возникло, почему и какие следственные действия он, следователь, успел произвести. Лев Романович слушал внимательно, не перебивая. Лишь в одном месте, когда Георгий Робертович рассказывал о беседе с прокурором города, Шейнин коротко рассмеялся:

– Осторожно, значит, и решительно? Узнаю Филиппова...

Закончив доклад, Георгий Робертович спросил:

– А почему вы заинтересовались этим делом?

Лев Романович встал.

– Бузит Дунайский. Такой переполох поднял, – сказал Шейнин, расхаживая по кабинету. – Жахнул жалобу на тебя на имя самого прокурора Союза. Обвиняет во всех смертных грехах. Что подтасовываешь факты – раз! Заставляешь его подписывать протокол допроса, в котором грубые измышления – два! Что вынудил Семеновского составить заключение так, как это нужно тебе... А уж от выводов Петра Сергеевича он вообще камня на камне не оставил.

– Но, Лев Романович, – не выдержал Гольст.

– Погоди, – жестом остановил его Шейнин. – Погоди, это не все. Дунайский

в знак протеста объявил голодовку. Вчера отказался от ужина, сегодня – от завтрака...

– Психологическая атака, – спокойно сказал Георгий Робертович, вспомнив поведение Дунайского при аресте и на допросе.

– Ты уверен, что убийца он? – остановился возле Гольста Шейнин.

– Почти на сто процентов.

– Почти, – усмехнулся Лев Романович.

– Но ведь я только начал дело! – воскликнул Гольст. – Даже обыск еще не успел...

– Это верно, – согласился Шейнин. – Послушай, Жорж, дело не из легких, смотри в оба. Или...

Но вот что такое «или», Лев Романович объяснять не стал. Гольсту и так было ясно: к жалобе Дунайского отнеслись очень серьезно. Как бы в подтверждение этого Шейнин сказал:

– Это дело взято нами на контроль... Тебе мой совет: срочно проведи новую судебно-медицинскую экспертизу. Привлеки светил...

– Срочно... – вздохнул Георгий Робертович. – Все надо срочно! Неужели я сам не понимаю? Но если человека дергать...

Шейнин улыбнулся.

– Лично я тебя «дернул» только раз. – Он посерьезнел. – Пока... Приготовься к бою – это мой второй совет Чую, что Дунайский – крепкий орешек. Хлебнешь ты с ним... Спрос будет самый строгий... Тебя, кажется, сорвали с обыска? – вдруг без перехода спросил Шейнин.

– Говорю, не успел даже начать.

– Ладно. Езжай на обыск. Возьми мою машину Как закончишь сразу позвони...

Квартира, в которой жил Дунайский, была из «старорежимных»: просторный коридор, большая кухня с выходом на черную лестницу, высокие потолки, паркет Но на ней уже лежал твердый отпечаток коммунального быта. У входной двери – три кнопки звонков с указанием, кому сколько раз звонить. В коридоре на стене – цинковое корыто и велосипед, в углу стоял чей-то деревянный сундук с висячим замком.

В квартире была только Жарикова. Она встретила следователя, как старого знакомого.

В понятия Гольст пригласил управдома и жену дворника.

Открыли комнату Дунайского. Просторная, с высоким окном, заклеенным на зиму белыми полосками бумаги, она была довольно уютно обставлена. Буфет светлого дерева с зеркалами и резьбой, трехстворчатый шифоньер, овальный стол с четырьмя стульями. Но он почему-то стоял у стены, а не посередине, как это принято. Широкая двухспальная кровать с никелированными шпешечками на спинках располагалась за ширмой в дальнем углу. С потолка низко свисал сиреневый абажур с кисточками. Два кресла и небольшой диван довершали обстановку.

На что сразу обратил внимание следователь – полы были покрашены

темным суриком.

– Что, Дунайский делал ремонт?– спросил Гольст у Жариковой, которая тоже присутствовала при обыске.

– Верно, полы покрасил прошлым летом,– охотно ответила Гликерия Саввична.

– Самоуправство это,– недовольно покачал головой управдом.– В позапрошлом году ремонтировали весь дом. Видите, обои еще совсем новые! И паркет перебирали. Сколько я нервов потратил, чтобы достать дубовый паркет! А вот некоторые...– Он махнул рукой.– Такую красоту испортить!

– Ишь чего! – возмутилась Жарикова.– Буржуйская это роскошь, а не красота. Я вон до революции у одного купчика в услужении была. Каждый божий день заставлял натирать! Намахалась ногами, хватит! И правильно Валериан Ипатьевич сделал. Я тоже сразу покрасила. Пройдешься влажной тряпкой – полы блестят, что твое зеркало...

– А когда точно Дунайский покрасил полы?– снова обратился к Жариковой следователь.

– Давненько уже, в прошлом году.

– Месяц не помните?

– Вроде бы в августе... Точно, в августе. Он и обивку поменял на креслах и кушетке. Прежня, говорит, с обоями не смотрелась...

– Когда поменял? – спросил Гольст.

– Тогда же, когда и полы красил.

«Зачем?– думал про себя Георгий Робертович.– Чтобы скорее забыть ушедшую жену? А может...»

Как утверждал в своем заключении Семеновский, труп Амировой был обескровлен. Если свое страшное дело Дунайский совершил в этой комнате, то покраска полов и смена обивки – попытка замести следы крови.

– У вас плоскогубцы есть? – обратился он к Жариковой.

– А как же! После мужа цельный ящик всякого инструмента остался.

Старуха принесла инструмент. Гольст снял обивку с одного из кресел. Внимательно осмотрел войлочную подкладку, пружины. Ничего подозрительного обнаружить не удалось.

Зато содержимое второго кресла оказалось необычным. Под обивкой в пружинах находились кусок простыни, порванная женская сорочка и трико. На всех этих предметах было множество пятен, похожих на засохшую кровь.

Находки произвели на всех присутствующих тягостное впечатление. Жарикова незаметно перекрестилась.

Показав найденные вещи понятым, Георгий Робертович зафиксировал их в протоколе.

Осмотр кушетки, после того как с нее была снята обивка, тоже ничего не дал.

Гольст попытался представить себе, как было совершено убийство, где Дунайский расчленял труп. По логике, последнее он должен был делать на столе.

Георгий Робертович, сняв скатерть, внимательно осмотрел фанерованную

поверхность стола, состоящую из двух частей, так как стол был раздвижной. Как будто никаких следов крови не было.

– А он раньше не здесь стоял,– заметила Жарикова.

– Где?

– Вон там,– указала соседка Дунайского на место под абажуром.

– А остальная мебель находится на своих местах?– спросил Гольст.

– Вроде бы...– ответила старуха, подумав.

Георгий Робертович сантиметр за сантиметром обследовал весь стол: вставную часть, перекладыны, ножки. Они были чистые без пятен. Тогда Гольст попросил управдома помочь ему перевернуть стол вверх ножками.

И тут следователь обнаружил на «подошве» двух ножек по краям чуть заметные полоски какого-то высохшего вещества, похожего на бурюю краску. Но по цвету они отличались от сурика, которым был выкрашен паркет.

– Будьте добры,– обратился к управдому Гольст,– вызовите, пожалуйста, плотника.

Тот пошел в коридор звонить.

– Сейчас поднимется,– сказал он, вернувшись в комнату.

А пока следователь снова внимательно осматривал раздвижные части стола. Особенно там, где две половинки соприкасались друг с другом. Георгию Робертовичу показалось, что и здесь есть бурые пятна. Не такие отчетливые, как на «подошвах» ножек, но все-таки.

Правда, хозяйка могла готовить на столе пищу, разделявать мясо, птицу, и в щель попала кровь животных.

Пришел плотник, молодой сосредоточенный парень. В руках у него была лучковая пила. Гольст попросил отпилить концы ножек стола.

– Пожалуйста, аккуратнее,– сказал Георгий Робертович.– Не касайтесь кончиков.

Скоро четыре ровных бруска были со всеми предосторожностями упакованы в бумагу. Затем Гольст попросил выпилить бруски от раздвижных половинок стола, там, где они соприкасались в сдвинутом виде.

Следователь еще раз попросил Жарикову точно показать, где прежде стоял стол. Выяснив таким образом, где могли находиться ножки, он дал указание плотнику вскрыть паркет.

– Как это вскрыть? – заволновался управдом.– Ремонт! Столько трудов! Еле-еле дубовый достал...

– Что поделаешь,– развел руками следователь.– Надо...

Но управдом так и не мог успокоиться. Надо было видеть страдание на его лице, когда плотник топориком, принесенным Жариковой, вскрывал одну за другой звонкие дощечки паркета. Гольст внимательно осматривал каждую. А также доски, на которых был уложен паркет.

И снова он увидел бурые пятна. Одно, второе... На нижней и боковых сторонах паркета, на досках под ним. И опять эти пятна отличались по цвету от краски, которой был окрашен пол.

Скоро посреди комнаты образовалось несколько плешин. Бурых пятен здесь было много. А в одном месте, там, куда приходились ножки стола, они

образовали обширную засохшую лужу. Гольст попросил плотника выпилить эти куски досок.

Работа была трудоемкая. И пока парень возился, сгустились сумерки. Заканчивал он уже при электрическом свете.

Гольст посмотрел на часы: время рабочего дня истекало. Надо было прерывать обыск.

– Все, товарищи, – сказал следователь, – на сегодня хватит.

Запаковав вещественные доказательства, Георгий Робертович закрыл на ключ комнату Дунайского, опечатал ее и отпустил понятых, сказав, что завтра обыск будет продолжен.

Приехав в прокуратуру города, Гольст прежде всего подготовил постановления о назначении экспертиз. Одно на повторную, частей трупа, второе – на исследование бурых пятен, обнаруженных в комнате Дунайского, третье – на исследование найденных в кресле под обивкой вещей.

Домой Георгий Робертович пришел поздно. Сынишка уже спал. Поужинав вдвоем с женой, Гольст тоже лег

Но сон не шел. В голове сами по себе строились планы – как и что искать еще в комнате Дунайского, какие действия предпринять помимо обыска, когда лучше вновь допросить обвиняемого.

«Пока не будет на руках результатов повторной судебно-медицинской экспертизы и исследования пятен, разговор с Дунайским вряд ли принесет пользу», – решил Гольст.

За окном спала Москва. Только изредка доносился шум проехавшей машины. Георгий Робертович уже стал подремывать.

Вдруг в коридоре раздался телефонный звонок. А через полминуты стукнули в дверь.

– Георгий Робертович, вас, – позвала соседка через закрытую дверь.

Гольст поспешно натянул брюки, накинул на плечи пиджак. Жена даже не открыла глаза: поздние звонки были делом привычным, муж – следователь.

Георгий Робертович вышел в коридор, взял трубку.

– Гольст слушает.

– Рано вы меня на тот свет отправили, товарищ Гольст, – с усмешкой произнес на другом конце провода женский голос.

– Кто это?

– Амирова говорит... Нина Амирова, – продолжала женщина. – Как видите, жива и здорова, чего и вам желаю...

Не успел Гольст сказать и слова, как в трубке послышались короткие гудки.

Говорят: как гром среди ясного неба. Такое впечатление произвел на следователя и этот ночной звонок.

«Неужели ошибка? Неужели я ни за что, ни про что арестовал совершенно невинного человека?» – пронеслось у него в голове.

Ему вспомнились гневные слова Дунайского, его решительный протест против обвинения и, конечно, голодовка, объявленная в тюрьме.

«Хорошо, допустим, ошибка, – попытался рассуждать Гольст

хладнокровно.— Как же объяснить поведение Амировой? Значит, все-таки сбежала? Но зачем? Проучить мужа? Заставить его крепко задуматься? Или ушла навсегда? И теперь, узнав о его аресте, хочет вызволить? А где она, у кого? У того самого мужчины, с которым уехала в автомобиле?...»

Мысли путались, бились в голове. Георгий Робертович, несколько поколебавшись, набрал номер дежурного по МУРу. Тот записал просьбу следователя: раздать фотографии Амировой, имеющиеся на Петровке, 38, постовым милиционерам и участковым. А также дать соответствующее задание уполномоченным уголовного розыска. В случае чего – тут же звонить ему, Гольсту.

Промаявшись всю ночь без сна, Георгий Робертович вышел из дома раньше обычного. У трамвайных остановок толпились люди. Гольст, занятый своими мыслями, шел, ничего не замечая вокруг.

В прокуратуре, кроме вахтера, никого еще не было. Пройдя в свой кабинет, Георгий Робертович вынул из сейфа папку с делом Дунайского. Перечитал постановление о назначении повторной судебно-медицинской экспертизы. Посмотрел на пакеты, в которых были упакованы изъятые вчера при обыске вещественные доказательства. Перед ним встал вопрос: как быть? А главное, что делать с Дунайским? Может, изменить ему меру пресечения на подписку о невыезде?

Время тянулось медленно. Здание городской прокуратуры постепенно наполнялось жизнью, слышались шаги в коридоре, голоса, где-то прозвенел телефон. Начался рабочий день.

Рука Георгия Робертовича невольно потянулась к телефонному аппарату – посоветоваться с Шейниным. Но Гольст тут же убрал руку – не стоит. Лев Романович подумает, что следователь перестраховывается вместо того, чтобы самому принять решение.

Но как бы там ни было, а своему начальству Гольст решил все-таки доложить о ночном звонке. Он зашел к Сапожникову. Тот, не на шутку встревожившись, в свою очередь попросил прокурора города Филиппова срочно принять их с Гольстом.

Прокурор внимательно выслушал Георгия Робертовича и спросил:

– А может, вы обознались? Не расслышали? Или просто слуховые галлюцинации? Знаете, бывает от переутомления...

– Да нет, – покачал головой следователь. – Очень четко произнесла: Нина Амирова.

– Странно... – прокурор повернулся к Сапожникову: – А вы что думаете, Израиль Григорьевич?

– Семь месяцев молчала и вдруг объявляется... Что же заставило ее позвонить, а? – рассуждал Сапожников. – И главное, почему ночью, домой, а не на работу? – Он помолчал и добавил: – Нет, здесь что-то не так. Не вяжется. Если это действительно она, почему толком не объяснила Георгию Робертовичу, что заставило ее позвонить? Я так понимаю: кто действительно имеет желание помочь человеку в положении, в котором находится Дунайский, поступают по-другому. Ведь есть простые человеческие слова... Так, мол, и

так, произошло недоразумение. Не хочет до конца открыться, бог с ней, но обрисовать картину, почему произошло это недоразумение, объяснить вкратце, зачем она так поступает,— вот что сделали бы на ее месте. Звонит-то следователю!

— И у меня складывается впечатление, что это не Амирова,— сказал Филиппов.— А те, кто хочет выгородить Дунайского. Вывести вас из равновесия,— повернулся к Гольсту прокурор.— Психическая атака... Но вы все-таки поставьте в известность МУР.

— Я это уже сделал. Сразу после звонка.

— Ну и хорошо,— словно с этим покончено, хлопнул по столу ладонью Филиппов.— Чем теперь занимаетесь?

— Прежде всего хочу послать вещдоки на экспертизу. И договориться о повторной судмедэкспертизе частей трупа,— ответил Гольст.

— Посодействуйте, чтобы все это сделали побыстрее,— попросил прокурор начальника следственного отдела Сапожникова. Тот кивнул.— Чем закончился ваш поход в Прокуратуру Союза? — поинтересовался у Георгия Робертовича Филиппов.

— Посоветовали продолжать расследование,— сказал Гольст.— И все время держать в курсе...

Филиппов понимающе кивнул, и на этом разговор закончился.

Хотя Сапожников и прокурор склонялись к тому, что ночной звонок был не что иное, как провокация, мысль о нем не покидала Георгия Робертовича. Какая-то доля сомнений оставалась. А если все же Амирова?

На всякий случай Гольст усадил в своем кабинете Полякова и Лену Захарову, студентов-практикантов, помогавших ему в день ареста Дунайского, а сам поехал по делам.

Георгий Робертович заехал в Институт судебной медицины, договорился о проведении повторной экспертизы частей трупа. А также завез на экспертизу ножки стола и паркет, изъятые при обыске. После этого направился на квартиру Дунайского заканчивать обыск.

Снова и снова Георгий Робертович возвращался мысленно к телефонному звонку, раздавшемуся ночью. Он вспоминал каждое слово, произнесенное незнакомым женским голосом, и смутно чувствовал, что его что-то беспокоит при этом. Но что именно, Гольст объяснить не мог. Интонация? Построение фраз?

Уже подъезжая к дому Дунайского, Георгий Робертович вдруг понял причину этого беспокойства. Произношение!

Женщина, говорившая по телефону, имела явно московский выговор. Чуть растянутый, с открытым «а». Звук «г» она произносила мягко, легко. Георгий Робертович вспомнил сестру Амировой Тамару Кулагину с ее фрикативным «г». Он еще тогда, при первой встрече отметил, что Кулагина имеет украинский выговор. А Нина? Они воспитывались вместе, и, значит...

Поднявшись на шестой этаж, где жил Дунайский, Гольст первым делом спросил у Жариковой, какое было произношение у Амировой.

— Как у украинки,— ответила Гликерия Саввична.— Первое время я

поправляла ее. А она все по-деревенски, – «ге» да «ге». Я махнула рукой. Раз с детства так привыкла, разве разучишь?

Гольст почувствовал облегчение. Значит, звонила не Амирова. Но если не она, то кто же? Те, как высказал предположение Филиппов, кто стоит за Дунайским? А может быть, женщина звонила все-таки по поручению самой Амировой? Такой вариант тоже не исключен.

Понятые – управдом и жена дворника – с утра дожидались его. Гольст продолжал обыск.

Бурые пятна снова были обнаружены на других участках пола под паркетом. Нашел их следователь и в вентиляционном отверстии, которое располагалось в стене возле самого пола и было закрыто металлической решеткой. Управдом и Жарикова называли это отверстие отдушиной. А возникли эти пятна там, очевидно, потому, что пол имел небольшой уклон. И кровь (если это была она) стекала в сторону отдушины.

Гольст тщательно обследовал кухню и ванную комнату. Он рассуждал так: если Дунайский расчленил труп в своей комнате, то все равно ему надо было куда-то слить кровь или воду после уборки комнаты.

Осмотр кухни ничего не дал. А вот в ванной под раковиной на плитусе были обнаружены бурые пятна. Следователь отодрал плитус. Также для исследования.

В этот день Георгия Робертовича ждала еще одна находка. В ящике буфета он нашел несколько листов бумаги, линованной зеленой полосой. Дело в том, что в одном из найденных свертков с частью трупа находился небольшой клочок бумаги тоже в зеленую полоску.

Гольст изъял найденную в буфете бумагу для экспертизы – надо было идентифицировать бумагу.

Когда за окнами стемнело, следователь понял, что закончить обыск и на этот раз он не успеет.

Понятые ушли, предупрежденные, что завтра понадобятся опять. Следователь опечатал комнату Дунайского. Он уже собирался уйти, как позвонил Яша Поляков, дежуривший у телефона в его кабинете.

– Георгий Робертович, – взволнованно сказал он, – вас срочно ищут. Из отделения милиции в Сокольниках, вот номер их телефона.

– Хорошо. А по поводу Дунайского никто не звонил?

– Нет.

Отпустив практикантов с «поста», Гольст тут же связался с отделением милиции. Ему сообщили, что задержана женщина, похоже, что Амирова.

Георгий Робертович, схватив такси, поехал в Сокольники. За полчаса, проведенные в дороге, он снова пережил то состояние, которое было у него ночью после звонка.

«Неужели я все-таки совершил ошибку?» – в какой раз спрашивал себя следователь.

Но когда он увидел в комнате дежурного молодую женщину с ярко накрашенными губами, кокетливо держащую в руке папиросу, у него отлегло от сердца.

Задержанная действительно имела внешнее сходство с Амировой. Это и послужило причиной ее задержания постовым милиционером. Гражданка пошла в отделение милиции охотно и на вопрос милиционера, не Амирова ли она, с живостью подтвердила: да, Амирова. Нина? Да. И на любой вопрос отвечала утвердительно.

Гольсту поведение неизвестной показалось подозрительным. Стали разбираться. Выяснилось – недавно вышла из психиатрической больницы. Она вообще могла признаться в чем угодно...

Шейнину Георгий Робертович позвонил поздно вечером. Тот находился еще на службе. Гольст доложил о новых находках в квартире Дунайского. Не умолчал и о ночном звонке.

– Да, – сказал Лев Романович, – сюрпризец... А на работу она звонила?

– Нет. У меня там дежурили у телефона.

– Ладно. Подождем, как будут разворачиваться события, – заключил Шейнин.

Гольст отвез на экспертизу новые вещественные доказательства и домой добрался вконец измотанный. Жена, глядя на запавшие глаза мужа, встревожилась.

– Разве можно так мучить себя? – сказала она. – Ведь слышала, всю ночь не спал, ворочался. И чуть свет – на работу...

– Пора бы уже привыкнуть, – устало произнес Георгий Робертович. – Такая служба...

Жена заботливо усадила его ужинать. Но Гольст от усталости не мог ничего проглотить. Выпив стакан чаю, он как убитый повалился в постель. И словно провалился в бездну.

Ему приснилось, что кто-то громко стучит в дверь. Не было сил подняться. А стук продолжался все сильнее, все настойчивее.

– Жора, Жора! – трясла его жена. – К телефону!

Георгий Робертович с трудом открыл глаза.

Нет, не сон. В дверь барабанил сосед.

Когда Гольст вышел в коридор, сосед укоризненно покачал головой:

– Среди ночи... Такое беспокойство... У меня ребенок болен. Только уснул и...

– Извините, – сказал Георгий Робертович. – А который теперь час? – спросил он, беря трубку.

– Третий, – ответил сосед, открывая дверь в свою комнату.

– Гольст слушает...

– Долго вы думаете держать за решеткой Валериана Ипатьевича? – сердито произнес женский голос, тот самый, что и вчера. Георгий Робертович узнал бы его из тысячи других.

– Опять вы? – сказал он.

Сон как рукой сняло.

– А кто же еще? Нина Амирова! Удивляюсь, как вас еще не погнали из следователей? Ну ничего, не долго будете тешиться, – злобно пообещала женщина. – Скоро поменяетесь с Дунайскими местами...

И снова, как в прошлый раз, неизвестная бросила трубку.

Теперь уже Гольст не сомневался: звонки – игра на нервах. Его хотят вывести из себя. Судя по выговору, это была не Амирова, точно. Но кто?

Георгий Робертович сел на стул в коридоре и просидел остаток ночи, ожидая, что позвонят еще. Но звонка больше не было.

И опять чуть свет Гольст отправился на работу. Холодный воздух взбодрил. У газетного киоска растянулся длинный хвост. Люди стояли сосредоточенные, хмурые. Отходя, тут же разворачивали газеты. Кто-то произнес слово «Серго».

Тревожное настроение передалось и Георгию Робертовичу. А когда он купил «Правду», с первой полосы глянуло на него знакомое улыбающееся лицо в траурной рамке.

Все еще не веря своим глазам, Гольст при тусклом свете разобрал: скончался нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе.

Гольст поскорее добрался до прокуратуры. И, не выдержав, прямо в вестибюле, впился в газетные строки: «Сообщение от ЦК ВКП(б)... Медицинское заключение... Разрыв сердца...»

Георгий Робертович прошел в кабинет, разложил перед собой газету и снова читал хватающие за душу слова.

Орджоникидзе был одним из любимых вождей. Первые советские тракторы, первые самолеты, первые автомобили – все это неизменно связывалось с его именем. И на фотографиях в газетах и журналах Серго всегда был изображен куда-то спешащим, в окружении людей, на фоне строек и цехов. В своем неизменном кителе или длинном пальто, похожем на шинель, в полувоенной фуражке. Всегда спокойный, чуть улыбающийся. Трудно было поверить, что этого человека больше нет.

Рабочий день начался в скорбной тишине. Люди, казалось, старались ходить тише, говорили вполголоса. И все сходились на одном: слишком ранняя смерть. Ему бы еще жить да жить. Не уберегся, всего себя отдал Родине. Но как бы ни давило горе, надо было работать. И Гольст отправился на Кропоткинскую продолжать обыск на квартире Дунайского.

Но закончил он его только на следующий день. Эти два дня начальство не беспокоило Георгия Робертовича. Не звонил и Шейнин. Возможно, это было связано с кончиной Орджоникидзе: везде проходили траурные митинги и собрания.

Зато ночью на квартире Гольста опять раздался звонок. На этот раз звонил мужчина. Он передал Георгию Робертовичу привет от Амировой. А на вопрос Гольста, почему та сама не подошла к телефону, объяснил, что якобы у Нины болит голова.

Предупрежденные работники телефонной станции сообщили Георгию Робертовичу, что незнакомец звонил из телефона-автомата.

Забегая вперед, следует сказать, что анонимные звонки продолжались и дальше. Каждую ночь. Соседи уже собрались жаловаться на Гольста. Георгий Робертович обратился за советом и помощью к прокурору города. При его содействии в квартире сменили номер телефона. И только таким способом

удалось прекратить ночные пытки...

К моменту окончания обыска у Дунайского Гольст получил заключение повторной судебно-медицинской экспертизы. Ее проводила комиссия из авторитетнейших специалистов, в том числе В. И. Прозоровского – главного судебно-медицинского эксперта Наркомата здравоохранения СССР. Выводы комиссии полностью совпали с выводами Петра Сергеевича Семеновского: части принадлежат одному женскому трупу. И снова эксперты утверждали, что расчленение проведено человеком, знакомым с техникой анатомических вскрытий.

А вот результаты исследований бурых пятен, найденных в комнате Дунайского, задерживались: профессор, занимающийся ими, заболел.

Гольст решил встретиться с обвиняемым. Допрос происходил в следственной камере Таганской тюрьмы.

Дунайский держался отчужденно. Угрюмый, тяжелый взгляд, чуть сквозившая на губах иезуитская улыбка...

– Ну, что же, Валериан Ипатьевич, – сказал Гольст, – в последнюю нашу встречу вы заявили, что не согласны с выводами Петра Сергеевича Семеновского...

– Я могу повторить это и теперь. И не только вам, но и ему самому.

– А что именно?

Дунайский, смерив следователя взглядом, словно решая, стоит с ним говорить или нет, сурово произнес:

– Притянуто за уши... Части от разных трупов... Дайте мне возможность встретиться с Петром Сергеевичем, и я докажу это.

– Ну, Семеновскому вы не верите... Тогда прошу ознакомиться вот с этим. – И Георгий Робертович дал обвиняемому заключение авторитетной комиссии, проводшей повторную экспертизу.

Дунайский читал медленно, обстоятельно. И молча вернул Гольсту. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Что скажете? – подождав некоторое время, спросил следователь.

– Ворон ворону глаз не выклюет, – усмехнулся допрашиваемый.

Гольст поразился его хладнокровию. Что это – уверенность в правоте или тщательно обдуманная линия поведения?

– Вы отрицаете выводы и второй экспертизы? – обратился он к Дунайскому, стараясь держаться как можно корректнее.

– Так оно же почти слово в слово повторяет первое. Значит, отрицаю. Подтасовано.

– Простите, Валериан Ипатьевич. Выходит, что вы ставите под сомнение честность своих коллег. Некрасиво. Я бы даже сказал, неэтично...

Дунайский пожал плечами:

– Может быть, они заблуждаются...

Наверное, он понял, что переборщил.

– Но ведь не могут же все заблуждаться одинаково...

– А почему бы и нет?

– Вы же сами обратили внимание – почти слово в слово!

– Повторяю: я остаюсь при своем мнении,– ушел от прямого ответа Дунайский.

– Вы будете отрицать и то, что это труп вашей жены?

– Не вижу этому веских подтверждений.

– Вам показать еще раз протокол опознания, проведенного Тамарой Кулагиной?

– Не надо. Помню. Очень сомнительно. Очень,– повторил обвиняемый с нажимом.

– Хорошо... Напомню вам, что девятнадцатого июня прошлого года ваша жена сдала в пошив платье. Так?

– Платье?– переспросил Дунайский, настораживаясь.

– В артель Мосшвейсоюза. Помните?

– Да-да, припоминаю...

– Должны. Вы ведь забрали его сами.– Гольст сделал паузу, следя за реакцией Дунайского. Тот, кажется, несколько смутился.– Хотя мне не совсем понятно: у вас горе, три дня, как ушла жена, а вы думаете о каком-то платье.

– Я надеялся, что она скоро вернется. Хотел сделать ей приятное,– пробормотал Дунайский.– И пропасть могло, раз заказчик не является... Ну, и как память...

– Что-то я этой памяти, то есть платья, дома у вас не обнаружил,– заметил Гольст.

Дунайский молчал.

«Ищет, что ответить,– подумал следователь.– Ну-ка, попробуем нажать».

– Кстати, где оно? – продолжал Георгий Робертович.

– Не помню,– коротко ответил Дунайский.

– Вы же говорите – на память,– усмехнулся следователь.– Ладно, я вот к чему. Когда принимали заказ, сняли мерку. Вот, пожалуйста.– Гольст положил перед Дунайским запись закройщика.– А вот обмер частей трупа.– Следователь положил рядом акт осмотра трупа, где были подчеркнуты объем бюста, бедер и талии.– Как видите, полное совпадение.

– Случайность. Сколько женщин с одинаковым бюстом и бедрами...

– Хорошо. А размер головы? Нина носила, насколько вам известно, шляпки пятьдесят четвертого размера. Размер головы трупа тоже пятьдесят четвертый... И еще. В свертке, найденном возле Болшевской коммуны, часть трупа была завернута в простыню. А в уголке на ней – буковка «Н»... В шкафу у вас найдено еще три таких же простыни с буквой «Н»... Прошу ознакомиться с заключением экспертизы, которая утверждает, что буквы вышиты одними и теми же нитками...

– Не надо! – не выдержал Дунайский.– Не надо! – выкрикнул он, задыхаясь.– Допустим, это труп Нины. Я повторяю – допустим... Но при чем здесь я? Что вы меня терзаете? Меня, человека, и так уже истерзанного горем! Что вы пытаетесь доказать мне?

– То, что убийство жены – дело ваших рук,– спокойно сказал Гольст.

– Доказательства! – крикнул Дунайский.– Прошу выложить мне неопровержимые доказательства! – Он снова, как и тогда в кабинете

следователя, весь побагровел, слова вылетали изо рта вместе со слюной.

– Ваш профессиональный опыт... Труп расчленен патологоанатомом, как утверждают эксперты.

Георгий Робертович вдруг почувствовал, что одного этого недостаточно. И пожалел, что у него нет на руках заключения об исследовании пятен в комнате Дунайского.

– Но почему именно я? Почему! В Москве вон сколько патологоанатомов! Сотни! А разве обязательно патологоанатомом? Хирург тоже мог... Взять хотя бы того же Борина...

Борин оставался пока не до конца проверен. И поэтому Гольст решил эту линию сейчас не трогать, а пойти по другому пути. По тому, что он знал наверняка.

– Валериан Ипатьевич,– спросил следователь,– а для чего вы полы покрасили? И сменили обивку на креслах и кушетке?

Дунайский внимательно посмотрел на Гольста и неожиданно спокойно произнес:

– Странные вопросы вас интересуют, гражданин следователь... Полы, обивка... Может быть, вам еще объяснить, почему я ем сосиски, а сардельки терпеть не могу? – Он покачал головой и ехидно усмехнулся.– Несерьезно. Право же! Как в детском саду. Ну поймите вы, зачем мне убивать свою жену? Зачем, я вас спрашиваю? Да если бы она не устраивала меня совсем, дал бы ей развод. Иди куда хочешь... И помог бы устроиться, честное слово. Я же вам говорил: страдал, но терпел ее измены. И дальше бы терпел. В конце концов каждому надо перебеситься. Я ведь взрослый человек, умудренный опытом. И потом, не забывайте, я судебный врач. Судебный! И знаю, что подобное преступление рано или поздно раскроют... Так неужели же я сам полез бы в петлю? Подумайте... Вот вы решились бы когда-нибудь на преступление?

«Ишь ты, вон куда гнет,– усмехнулся про себя Гольст.– Логикой пытается...»

Хотя, честно говоря, мотивы убийства для Георгия Робертовича оставались пока загадкой.

Он думал об этом, когда возвращался из Таганской тюрьмы к себе на работу. У следователя даже мелькнула мысль: а не душевнобольной ли Дунайский?

Из бесед с сестрой убитой Тамарой Кулагиной и с соседями по квартире выходило, что жили супруги более или менее нормально, не считая отдельных ссор. Дунайский, судя по всему, был скуповат, ревнив, хотя оснований для ревности у него, кажется, не было.

Ревность... Очень часто она и не требует видимых причин. Это своего рода мания. Но настолько ли сильно владело Дунайским это чувство, чтобы решиться на убийство?

По опыту Гольст знал: часто убийцы на почве ревности (они, как правило, совершают убийство в состоянии аффекта) признаются в содеянном. Приходят с повинной. Так велико бывает их раскаяние. Дунайский отлично знал, что в подобных ситуациях наказание куда менее сурово, чем, например, за убийство

из корыстных побуждений.

Нет, случай с Амировой не походил на убийство из ревности. Здесь что-то другое.

А если Дунайский все-таки ненормальный? Значит, надо направлять его в Институт судебной психиатрии имени Сербского? Делать это Гольсту пока не хотелось. Могло затянуть следствие.

И еще одна мысль не давала покоя Георгию Робертовичу: Дунайский утверждал, что Нина при «побеге» забрала из дому значительную сумму в деньгах и облигациях.

А что, если у них вспыхнула крупная ссора из-за денег? И Дунайский, который, по утверждению Жариковой и Кулагиной, дрожал над каждой копеей, потерял самообладание и убил жену в припадке злобы?

«Кстати, надо сделать запрос в управление Гоструд-сберкасс,— подумал Гольст.— Имеются ли у Дунайского сбережения? Странно, почему у него дома лежали четыре тысячи рублей, как он утверждает? Теперь деньги держат на сберкнижке, во всяком случае те, что заработаны честно...»

Не успел Георгий Робертович приехать в прокуратуру, как раздался звонок. Звонил профессор, занимающийся исследованием пятен на ножках стола, паркете, плинтусе из квартиры Дунайского. Он извинился, что задержал заключение: болел.

— Какие могут быть извинения,— сказал Гольст.— Вы же не виноваты... Ну и что удалось установить? — с нетерпением спросил он.

— Кровь,— ответил профессор и поправился: — Кровь человека.

— Везде?

— Да.

— Группа?

— Вторая.

«Как у Амировой,— облегченно подумал про себя следователь.— Все сходится!»

— Когда попала кровь на исследуемые предметы?

— Не более года. Точнее определить, увы, не можем... К концу дня заключение доставят вам с нарочным.

— Очень хорошо, спасибо,— сказал Гольст.

На сегодняшний день у него была намечена встреча с Бориным, и следователь отправился в больницу.

Высокий, стройный хирург пришел в кабинет главврача прямо с операции. Он устало сел напротив Гольста, положив на колени руки с длинными ухоженными пальцами. Выглядел он старше своих тридцати лет. Наверное, из-за больших залысин, которые протянулись почти до самой макушки. Спереди у него темно-каштановые волосы свисали на лоб жидким крендельком. Мужчина он был интересный, с живыми умными глазами, крупным породистым носом и твердым подбородком с глубокой ямочкой.

— Константин Павлович, вы давно знаете Дунайского и его супругу? — спросил Гольст.

— Валеру Дунайского давно. Нину — с тех пор, как они поженились...

Только после их женитьбы нашей дружбе с Валерием пришел конец.— Борин сложил руками крест.

— Почему?

— «Мне снится соперник счастливый»,— усмехнулся врач, процитировав слова из известного романа.— Никогда не мог предположить, что Валерий станет таким, когда женится.

— Что вы имеете в виду?

— Помешался. Идея фикс. Будто все мужчины только и мечтают переспать с его женой...

Гольст удивился, с чего это Борин с такой издевкой отзывается о своем приятеле. И, словно прочитав его мысли, хирург продолжал:

— Я слышал, Нина ушла от него... Ваш визит связан с этим, не так ли?

— В общем-то да,— признался Георгий Робертович.

— Тогда, как говорится, будем брать быка за рога... Уверяю вас, я к этому никакого отношения не имею. Хотя кто-то пускает слухи...

— За рога так за рога,— сказал Гольст, подстраиваясь под его тон.— Всего один вопрос... Где вы были и что делали двенадцатого июля прошлого года? Тысяча девятьсот тридцать шестого?

Борин присвистнул:

— Ничего себе вопросик! Столько времени прошло! Дневника я не веду...

— И все же постарайтесь вспомнить.

— Это так важно? — тревожно посмотрел на следователя хирург.

— Очень.

Борин обхватил лоб широкой кистью руки и так сидел довольно долго.

— Какой хоть день был двенадцатого июля? — наконец спросил он.

— Выходной.

— Выходной день...— бормотал хирург, глядя в окно.— Двенадцатого июля... Надо вспомнить...

На его лбу залегла складка. Гольст ждал.

— Так... Наконец, кажется, припоминаю,— сказал Борин.— Я был за городом. Ездил купаться, позагорать. В Серебряный бор. Помните, какая стояла жара?

— Один ездили?

— Нет.

— С кем?

— Вам это обязательно знать?

— Да.'

— С одной знакомой.

— Фамилия, имя знакомой?

Борин некоторое время колебался, но все же ответил:

— Луканина. Люда.

— Где она живет, работает?

— Адреса я не знаю, а работает у нас в больнице.

— Медсестрой? — спросил Гольст, вспомнив разговор с главврачом.

— Медсестрой,— подтвердил хирург.

Закончив допрос Борина, следователь хотел тут же, не откладывая, поговорить с Луканиной, но у медсестры был выходной: работала через день.

Георгий Робертович взял ее адрес и отправился в Большой Харитоньевский переулок, где жила Людмила Николаевна Луканина.

Это один из знаменитых уголков Москвы, расположенный между Бульварным кольцом и Садовым. Здесь находится бывший дворец князя Юсупова. Небольшой флигель при нем когда-то снимала семья Пушкиных. Тут прошло раннее детство великого поэта.

Именно об этом переулке он писал в «Евгении Онегине».

И вообще, почти все дома в Большом Харитоньевском были такие же старые, как и бывшее юсуповское владение.

Луканина жила поближе к Садовому кольцу, в трехэтажном доме, в полуподвальном помещении. Невысокая, пухленькая, с наивными голубыми глазками, она очень удивилась приходу следователя. А как только разговор зашел о Борине, смутилась.

Когда Гольст задал вопрос, ездили ли они с хирургом двенадцатого июля прошлого года купаться в Серебряный бор, лицо Луканиной вспыхнуло ярким румянцем.

– Кто вам мог сказать такое? – возмутилась она. – Мы никогда не встречались с Константином Павловичем вне служебной обстановки...

Ее ответ озадачил следователя.

– Странно, – произнес он. – А вот Борин утверждает, что в то воскресенье был именно с вами.

– Мало ли что он утверждает! – сердито воскликнула девушка. – И как только ему не стыдно? Чтобы я!... И зачем мне с ним разъезжать по пляжам? Ведь он все равно на мне не женится. А я не такая, как некоторые...

Но кто эти некоторые, медсестра не договорила.

Поведение Луканиной заставило Гольста задуматься: кто же говорил неправду – Борин или медсестра? Ясно одно: кому-то из них двоих было что скрывать.

Если Борин хотел обеспечить себе алиби, то зачем он назвал Луканину? Скажи любую другую фамилию, и все тут. А может быть, Борин думал, что следователь сразу не поедет к Луканиной и он успеет ее предупредить, чтобы она подтвердила факт их совместной поездки в Серебряный бор?

В любом случае все это нуждалось в проверке, а значит, вопрос – где был Борин в день предполагаемого убийства Амировой и что делал – оставался, увы, открытым. Главное, подозрение Дунайского, что хирург имеет отношение к исчезновению жены, Гольст пока опровергнуть окончательно и категорически не мог.

Следующий допрос Дунайского Георгий Робертович начал с того, что опять спросил обвиняемого, зачем он покрасил полы.

– Ну покрасил, – недовольно ответил Дунайский. – Какое это имеет значение? Соседка моя, Жарикова, тоже покрасила. В чем тут криминал?

– И все же? – настаивал следователь.

– Мне больше нравятся крашеные. Понятно? Практичнее.

– А по-моему, у вас была совершенно другая цель.

Гольст дал Дунайскому заключение профессора по поводу бурых пятен, обнаруженных на ножках стола и на паркете. Георгий Робертович думал: вот теперь, кажется, обвиняемому крыть будет нечем. Следователь наблюдал за реакцией Дунайского, но тот читал совершенно невозмутимо. И молча вернул.

– Группа-то крови вторая, – сказал следователь. – Как у вашей жены...

– Ну и что?

– Почему она оказалась на столе, на полу, под паркетом?

– Я же вам рассказывал. Ну, ударил ее. Вывела она из себя меня со своими поклонниками. По лицу ударил. Из носу так и хлынуло. Еле остановили... Удовлетворены? – Дунайский в упор посмотрел на Гольста и укоризненно покачал головой. – Не понимаю, зачем вам копать в таких подробностях? Это ведь было наше личное, семейное дело...

– Странно, – сказал следователь. – Вы врач и не могли сразу остановить кровотечение...

– Остановил.

– Но сколько успело вытечь крови! Даже в отдушину натекло...

– У нее слабые сосуды и плохая свертываемость крови, – спокойно ответил Дунайский.

– Ссора произошла в вашей комнате?

– В нашей, – подтвердил Дунайский.

– А почему же кровь и в ванной, под раковиной?

– Она смывала кровь с лица... Вы, надеюсь, тоже умываетесь в ванной? – усмехнулся Дунайский.

«Да, сопротивляется отчаянно, – подумал Гольст. – И главное, умело».

Действительно, свои ответы обвиняемый аргументировал весьма продуманно.

– Ладно, – сказал Гольст, – прошу ознакомиться с заключением еще одной экспертизы.

И он протянул Дунайскому заключение, в котором доказывалось, что линованный в зеленую полоску клочок бумаги, обнаруженный в одном из свертков с частью трупа, по качеству и сорту идентичен найденной в комнате обвиняемого.

– Такую бумагу может купить кто угодно и сколько угодно. И вы в том числе. Хотите, поделюсь адресом? – с издевкой произнес Дунайский, возвращая заключение. – Писчебумажный магазин на Арбате.

– Значит, вы хотите сказать... – начал было Гольст, пряча документ в папку с делом, но обвиняемый его перебил:

– Случайное совпадение.

– Еще одно, – усмехнулся Георгий Робертович.

И дал Дунайскому другое заключение: экспертизой было установлено, что характер разрывов на белье (окровавленная сорочка, трико, обнаруженные в кресле) свидетельствует о том, что эти разрывы возникли при быстром срывании одежды с тела.

– Она сама, – ответил Дунайский. – После того как я разбил ей нос,

вернулась из ванной в истерике и стала сдирать с себя все... Ведь в крови...

– Не вяжется, – покачал головой следователь. – Какой силой должна была обладать ваша жена, чтобы разорвать на себе белье...

Дунайский молчал. Георгий Робертович почувствовал, что попал в цель. И продолжал наступать.

– Вы и прежде говорили мне неправду.

– Когда это? – взвился обвиняемый.

– Когда заявили, что Нина взяла с собой все свои вещи. Да еще, мол, и ваши прихватила...

– Я и теперь утверждаю это!

– Столько вещей в один чемоданчик? – покачал головой следователь. – Он был у вас резиновый, что ли?

– И еще узел...

– Узел вы выдумали сейчас.

В ответ на протестующий жест Дунайского Гольст нашел место в протоколе допроса, где речь шла о том, что Амирова покинула дом с одним чемоданом, и дал прочесть обвиняемому.

– Забыл, – хмуро сказал Дунайский. – Попрошу внести дополнение. В сегодняшний протокол... Нина унесла часть вещей в чемодане, а часть – в узле.

– Хорошо, – согласился следователь, – я это запишу... А сам узел? Ну, в чем вещи?

– В простыне.

– Так, вернемся к самим вещам... В числе их вы указали летние туфли. А они были обнаружены при обыске в шкафу. Пожалуйста, вот протокол обыска.

– Перепутал, запомнил, – пробормотал Дунайский.

– Пойдем дальше... Чем вы объясните, что она не взяла колечко?

– Какое колечко? – спросил Дунайский.

– Серебряное, с бирюзой. Подарок Тамары... Так объясните, как получилось, что Нина оставила его? Ваши часы взяла, а дорогую для себя вещь... Это ведь память о матери, сестре...

– Забыла в спешке.

– А свою любимую пудреницу? Ту, с эмалью?

– Откуда мне знать? – прямо-таки взвизгнул Дунайский. – Женщина есть женщина! Вздор в голове, да и только!

– Вы сказали: женщина... Уж что-что, а пудреницу, кольцо, бигуди, маникюрный набор никакая женщина прихватить не забудет. Тем более, если уходит, как вы сказали, совсем... А ваша жена почему-то все это оставила...

Дунайский сидел, наливаясь краской.

«Опять начнет кричать, – подумал Гольст. – Ну что же, пусть кричит. В спокойной беседе от него ничего не добьешься».

– Стало быть, гражданин Дунайский, ваша жена никуда уходить не собиралась, – не дождавшись ответа, заключил следователь. – И не ушла...

– Значит, я выдумал все? – вскочил обвиняемый. – И что она мои часы, облигации, деньги?... Все сбережения!...

При слове «сбережения» Гольст понял: пришло время выложить еще один

козырь. А он был весьма серьезный.

На запрос следователя в Управление Гострудсберкасс Гольсту ответили: 11 июля 1936 года В. И. Дунайский снял со своего личного счета в сберкассе четыре тысячи рублей.

Одиннадцатого июля! За день до исчезновения жены!

Дунайский забрал также и облигации на сумму три тысячи рублей, находившиеся на сохранении в сберкассе.

Но самое важное – 14 июля (на второй день после «побега» жены) деньги – четыре тысячи рублей и облигации на три тысячи рублей – Дунайский снова положил в сберкассу.

– Ограбила, значит? – спросил Гольст.

– Самым форменным образом!

– Простите, речь идет, кажется, о четырех тысячах рублей и облигациях на три тысячи? – задал вопрос следователь.

– Именно о них. Именно!

– Это все ваши сбережения?

– За всю трудовую жизнь...

Дунайский, видимо, что-то уловил в глазах следователя, потому что поспешно поправился:

– Почти все...

– Что-нибудь осталось?

– Кое-что...

– Сколько именно?

– Это мое личное дело! Отчитываться перед вами не собираюсь! – зло бросил Дунайский.

Гольст протянул ему справку из Управления Гострудсберкасс. Тот взял ее безразлично, словно какое-то гадкое насекомое. Только глянул и швырнул на стол.

– Что вы хотите этим сказать? Что? Да, снял. И снова положил! – закричал он. – А она взяла другие! Другие деньги и облигации! Слышите?

И в дальнейшем на все вопросы Дунайский отвечать отказался. Как тогда, когда Гольст предъявил ему обвинение в убийстве жены.

«Понял, наверное, что круг сужается, – подумал Георгий Робертович. – Теперь будет тянуть время и усиленно подыскивать доводы, которые помогли бы ему выкрутиться...»

Этот допрос заставил Гольста еще и еще раз проанализировать все улики и факты, собранные против Дунайского. Придирчиво критиковал, выдвигал возможные объяснения и версии для каждого из них. В Георгии Робертовиче, как советовал начальник следственного отдела Сапожников, спорили прокурор и защитник.

Может быть, кровь Амировой в комнате Дунайского действительно результат кровотечения из носа после удара? Может быть, Амирова сама сорвала с себя белье? Может быть, кольцо, пудреницу, маникюрный набор и другие мелочи она и впрямь забыла прихватить в результате волнения и спешки? Может быть...

Словом, мало ли что может быть.

Но чем больше Гольст спорил сам с собой, чем глубже вникал в материалы дела, вчитывался в допросы, показания свидетелей и обвиняемого, обдумывал свои личные впечатления, тем крепче становилось его убеждение – убийство Амировой совершил Дунайский.

Но Гольст не хотел оставлять ни единого белого пятнышка в деле, которыми мог бы воспользоваться его противник.

Поединок продолжался. Потому что инициативе, воле и опыту следователя противостоял хитрый и зрелый человек, имеющий специальное образование, очень квалифицированный судебный врач, отлично разбирающийся в методах собирания улик и в оценке их значения, обладающий собственным криминалистическим опытом.

Дунайский писал грозные жалобы во все инстанции. Он опровергал, требовал, доказывал, призывал, угрожал. Для проверки этих жалоб привлекались опытные специалисты. Ответственные работники интересовались ходом следствия. Находились люди, которые ставили под сомнение обоснованность обвинения, выдвинутого против Дунайского. Так умело и хитро умел он представить положение вещей.

Не раз Георгий Робертович Гольст вспоминал вызов к начальнику следственного отдела Прокуратуры Союза ССР, который сказал: дело Дунайского будет очень трудным; враг силен и коварен. И победить его Гольст мог волей, умением, тактом.

Какие следственные действия предстояло еще совершить? Какие моменты в деле вызывали сомнения? Что упущено? Вот о чем постоянно думал Георгий Робертович.

И постепенно круг вопросов, требующих ответа, сужался.

Первое – мотивы убийства. Тут, как говорится, было пока глухо. Все версии, выдвинутые следователем, не имели серьезных подтверждений.

Второе – проверить утверждение Дунайского о существовании какого-то мужчины, увезшего жену.

Из всех лиц, на которых указывал Дунайский, неясность оставалась только в отношении Борина. А что касается мифического иностранца, то, как вытекало из ответа на запрос Гольста в ОГПУ, это тоже был плод чьего-то воображения. В связях с работниками зарубежных посольств Амирова замечена не была.

И наконец, третье. Каким способом и в чем Дунайский вывозил из дома и разбрасывал по линии Северной железной дороги части трупа жены?

Гольст еще и еще раз наведывался в дом на улице Кропоткинской, осматривал вещи в комнате Дунайского, пытаясь по ним определить события немymi свидетелями которых они были.

Жарикова уехала в начале марта в деревню к заболевшей матери. В квартире жил теперь один Брендючков. Но застать Ипполита Васильевича дома было трудно: бухгалтер бумажного треста трудился до позднего вечера, а в выходные дни посещал театры, так как был завзятым театралом. Но все же они встретились.

Брендючков, с замотанной шарфом шеей (ангина), работал дома. Георгий

Робертович поинтересовался у него, слышно ли что-нибудь о племяннике.

– Увы,– развел руками Ипполит Васильевич.– Матушка Алеши уже вся извелась. Да и я, признаться, волнуясь. Хотя, с вашего позволения, смею надеяться, что он жив и невредим.– Бухгалтер многозначительно посмотрел на следователя, как тогда, в его кабинете.– Ратный труд – дело почетное...

Он опять давал понять, что племянник, вероятно, в Испании.

Гольст интересовался родственником Брендючкова неспроста. Ведь тот проживал в комнате Ипполита Васильевича за две недели до исчезновения Амировой, слышал ссору между Ниной и Дунайским и мог, наверное, сообщить какие-нибудь подробности.

– Вы не помните,– спросил у Брендючкова следователь,– он не рассказывал, как происходила ссора между Дунайским и его женой?

– Очень, говорит, была некрасивая сцена... С дурными словами.

– Какими?

– Извините, нецензурными... Вот уж чего я не ожидал от Валериана Ипатьевича,– укоризненно покачал головой бухгалтер.– А потом Алеша слышал, как он ударил Нину.– Брендючков вздохнул.– Дурной тон...

– А как выглядела Нина после этой ссоры?

– Господи, да Алеша и носу не хотел показывать из комнаты! Это могло подлить масла в огонь. Ведь днем в квартире Алеша и Нина оставались одни... Эта особа,– Ипполит Васильевич показал на дверь комнаты Жариковой,– пребывала в деревне...

– Значит, племянник не знает, какие повреждения или увечья нанес Дунайский своей жене? – спросил как бы сам себя Георгий Робертович.

– Ни боже мой!

– Ну, хорошо. У меня к вам просьба, Ипполит Васильевич. Если Алеша даст знать о себе, не считайте за труд, позвоните мне.

– Непременно! В обязательном порядке! – охотно согласился бухгалтер.

– И еще один вопрос...

– К вашим услугам...

И Гольст спросил, не помнил ли Ипполит Васильевич чемодана или вместительной сумки у Дунайского. Дело в том, что в комнате обвиняемого обнаружили лишь небольшую хозяйственную сумку, в которую никак не поместился бы сверток с частью трупа.

– Простите, товарищ следователь,– ответил бухгалтер,– я в комнату к ним не заходил. Да-с... Как говорят англичане: мой дом – моя крепость.– Он виновато улыбнулся.– Если, конечно, наши кельи считать домом... А я уважаю правила общежития.

Не добившись ничего от Брендючкова, Гольст решил поговорить с Кулагиной.

– Наверное, был какой-то чемодан,– ответила Тамара.– Ведь ездил же Дунайский в командировки. А вот Нину так никуда и не свозил, когда был в отпуске...

– Подумайте еще, пожалуйста, припомните получше,– настаивал Гольст.

Они беседовали в его кабинете в прокуратуре города. Так как Тамара

ничего вспомнить не могла, он решил провести ее допрос в квартире Дунайского.

Человеческая память – удивительная вещь. Иногда мы не можем вспомнить отдельные детали знакомой квартиры, местности. Но они, эти детали, сидят в памяти подсознательно. И, только очутившись в этой обстановке, вдруг оживают.

Когда они приехали на Кропоткинскую, поднялись на шестой этаж и вошли в знакомую Кулагиной комнату, она невольно расплакалась. Георгий Робертович успокоил ее и попросил хорошенько оглядеться.

Тамара обошла комнату, помолчала, подумала. И вдруг заявила:

– Чемодан... Вот здесь находился, – указала она на верх шкафа. – Такой, не очень большой, фибровый, коричневого цвета.

– Один?

– Один, товарищ следователь.

– Давно вы его видели?

– Да когда здесь была.

– А после исчезновения Нины чемодан был?

– Был, товарищ следователь.

– Вы это точно помните?

– Конечно, точно. – Она задумалась. – А вот когда я приходила сюда в последний раз, его уже как будто не было...

– Давайте вспомним, Тамара Арэфьевна, когда вы посетили Дунайского уже после исчезновения Нины...

– Давайте... Значит, без Нины я была у него два раза...

– Первый?

– В конце июля.

– Чемодан был?

– Был, – уверенно сказала Кулагина.

– А второй раз?

– Перед Новым годом... Чемодана не было. Да, да, не было. Могу чем угодно поклясться.

Гольст попросил приблизительно указать размер чемодана. Выходило, что он по объему мог как раз вместить сверток с частью трупа.

Оформив показания Кулагиной протоколом, Георгий Робертович отпустил ее.

Итак, было установлено: у Дунайского имелся фибровый чемодан, который потом исчез. В нем выносил свою страшную ношу Дунайский или нет, утверждать категорически еще не было оснований. Если да, то можно было бы предположить, что преступник постарался от него избавиться. Но как? Сжег? В доме печки не было – центральное отопление. Значит, он его выбросил. А вот куда...

Георгий Робертович выяснил, что жильцы дома выносят мусор в ящик, который опорожнялся один раз в день мусорщиком, приезжавшим на специальной машине.

Разговор с мусорщиком ничего не прояснил. И хотя за семь месяцев было

вывезено столько старого хлама, мусорщик отлично помнил: коричневого фибрового чемодана определенного размера не было, потому что вещи, которые можно сбыть старьевщику, он всегда откладывает, а на городскую свалку везет действительно одни отбросы.

Гольст, честно говоря, несколько приуныл. Дунайский мог бросить чемодан в мусорный ящик где-нибудь в другом месте. И сколько бы потребовалось времени опросить всех мусорщиков города Москвы!

А если Дунайский отвез его за город? Вообще-то это было бы логично: преступник, как правило, старается запрятать улику где-нибудь подальше.

Но все-таки Георгий Робертович допросил дворника. На всякий случай.

– Коричневый, говорите? Фибровый? – переспросил он Гольста. – Нет, кажись, такого во дворе и на всей прилегающей территории, вверенной мне, не встречал... Старые дамские сумки бросают. Бутылки по подъездам оставляют... – Дворник подумал, почесал в голове. – А вы, товарищ следователь, на чердак не лазили? – спросил он.

– Почему вы думаете, что он может быть там? – в свою очередь поинтересовался Гольст.

– Года три назад пожарники чуть не оштрафовали меня... Бумага на чердаке, знаете ли, очень пожароопасный материал... Поднялся я, смотрю – кипы старых газет и журналов. Глянул – Дунайского. Отметочка с почты на каждом... Я пошел к гражданину Дунайскому, говорю: так, мол, и так, прошу больше не засорять чердак... Он извинился, шкалик спирту преподнес. Сказал, что больше не будет. – Дворник улыбнулся. – Только у меня через эти газеты и журналы все равно неприятности вышли...

– Каким образом? – поинтересовался Гольст.

– Собрал я пацанву с нашего дома, пошел с ними сдавать эту бумагу старьевщику. Обрато, на Даниловском рынке свистулек закупили. Ну и концерты же задавали, черти! Ребятам радость, а мне... – дворник опять почесал в голове, – Управдом мне же и намылил шею, что покоя нет во дворе...

Последовав совету словоохотливого дворника, Гольст произвел осмотр чердака. И обнаружил там новые улики против Дунайского. Тот, оказывается, не стал ездить далеко и выбросил на чердак клочья обивочного материала с дивана и кресел (их опознали Жарикова и Кулагина), которые были в пятнах крови, такой же группы, как и у Амировой, – второй.

Но главной находкой был коричневый фибровый чемодан. Подкладка в нем была выдрана.

Первым делом Георгий Робертович произвел его опознание. Кулагина узнала его сразу, и Гольст отправил чемодан на исследование.

И снова следы крови! В щелях, на стыках стенок и дна. Кровь второй группы!

Теперь уже Георгий Робертович не сомневался: именно в этом чемодане Дунайский вывозил за город части трупа. Параметры чемодана были таковыми, что в него как раз входили свертки с частями трупа.

К этому времени следователь разобрался и с хирургом Бориным. Тот упорно держался своих показаний: в воскресенье, двенадцатого июля прошлого

года, целый день был на пляже в Серебряном бору с Людмилой Луканиной. Медсестра же этот факт начисто отрицала.

И вот однажды к Гольсту пришла посетительница – мать Люды.

– Товарищ следователь, совсем запуталась моя доченька, – сказала она. – И правду боится сказать, и чувствует, что открыться необходимо... Я уж сама объясню, что к чему...

– А в чем правда? – спросил Гольст.

– Понимаете, какая история... Паренек за ней ухаживает. Пригожий парнишечка. Серьезные намерения имеет. Он у нас чуть ли не каждый день бывает. Студент, последний курс заканчивает, врачом будет. Никитой его зовут. На практике с моей-то Людмилой он и познакомился. Говорит, как диплом ему выдадут, поведет Людочку в загс... Вот она и того... Боится, как бы Никита не узнал, что она с тем хирургом на пляже была...

– Значит, была все-таки?

– Была, – вздохнула Луканина-старшая. – Но, товарищ следователь, между ними ничего такого... Отцом-матерью клянется... Так вы уж не сердчайте...

Георгий Робертович попросил, чтобы Люда все-таки зашла к нему: надо было оформить ее признание протоколом.

Людмила Луканина пришла в прокуратуру и так же, как и мать, объяснила причину, почему отрицала свою поездку с Бориным на пляж: боялась, что это дойдет до жениха. Извинилась перед следователем, что доставила ему лишние хлопоты, и попросила, чтобы никто не узнал об этой поездке в Серебряный бор. Гольст заверил ее, что это останется служебной тайной.

На допрос Дунайского привезли из Таганской тюрьмы в кабинет Гольста в прокуратуру города. Георгий Робертович решился на небольшой эксперимент: чемодан, найденный на чердаке дома, был положен на стол и чуть прикрыт газетой.

– Садитесь, – предложил обвиняемому. Георгий Робертович, внимательно наблюдая за реакцией Дунайского.

Тот сел, устремив свои бесцветные потухшие глаза в окно. Гольст задал ему несколько вопросов. Уточнил, в котором часу Дунайский вернулся домой в воскресенье двенадцатого июля; в каком платье была Нина, когда покидала его?

Дунайский отвечал заученными фразами, все время посматривая на стол. Гольст делал вид, что не замечает этого. Обвиняемый стал нервничать. В его ответах стали проскальзывать раздраженные, нетерпеливые нотки.

То, что лежало на столе у следователя и было прикрыто газетой, явно тревожило Дунайского. Георгий Робертович понял: тот узнал свой чемодан.

– Скажите, Дунайский, так в чем увезла вещи ваша жена? – вдруг задал вопрос Гольст.

– В чемодане, – чуть вздрогнул обвиняемый. – И в узле...

– Опишите, пожалуйста, чемодан.

– Я уже тысячу раз вам его описывал, – раздраженно ответил Дунайский. – Фибровый, коричневый...

– Но сестра Нины Кулагина утверждает, что видела его у вас в комнате

после исчезновения Амировой.

– У нас было два одинаковых...

– Странно, – произнес Георгий Робертович и замолчал.

– Что странно? – спросил Дунайский.

– Зачем же она положила вещи в чемодан и узел? Не проще было бы забрать два чемодана? Как-то неудобно: уезжает с мужчиной – и узел... А?

– Откуда мне знать, что было у нее на уме! – зло сказал Дунайский.

– Хорошо... А где второй чемодан?

– Не знаю. Не помню... Может, выбросил, может, отдал старьевщику...

Какое это имеет значение?

– Имеет, гражданин Дунайский. Мы его нашли.

– Где?

– Там, куда вы его бросили. На чердаке. Вместе с окровавленными клочками обивки с кресел и кушетки. – Гольст снял с чемодана газету. – Вот он. Узнаете?

Дунайский недобро глянул на следователя и пожал плечами.

– Это он? – повторил вопрос Гольст.

– Не знаю.

– Напрягите память.

– Возможно, – выдавил из себя Дунайский.

– Кулагина опознала его. А вы, владелец...

– У половины Москвы такие чемоданы. И мне все их признавать своими?

Совпадение...

– Не слишком ли много совпадений? – заметил Гольст. – А на этом – отпечатки ваших пальцев.

Он пододвинул Дунайскому заключение дактилоскопической экспертизы. Но обвиняемый к бумаге не притронулся.

– Ну, допустим, мой. Мой! Что это доказывает?

– В нем вы выносили из дому свертки с частями трупа.

– Ну и воображение у вас! – негодуяще замотал головой Дунайский. – Это ж надо выдумать такое!

– На нем кровь. Вот результаты исследований, – спокойно продолжал следователь, не обращая внимания на его тон.

– Кровь? Вполне возможно. Но чья?

– Нины Амировой. Второй группы.

– Почему именно ее? Почему? Миллионы людей имеют вторую группу крови!

– Но как в чемодан попала кровь?

– Очень просто... Помните дело Караваяева? Ну, в Марьиной роще нашли отрубленную кисть руки... Я возил вещественное доказательство в лабораторию. В этом самом чемодане, – показал на него торжествующе Дунайский. – Кисть еще кровоточила. – Он победно посмотрел на Гольста. – Зря старались, гражданин следователь. По чердакам лазили, пыль собирали... Да, видно, неважные ваши дела. Хотели бы меня закопать, да нет против меня ничего. И быть не может. Потому что я честный человек. Вам, впрочем, это

хорошо известно...

Георгий Робертович сносил его издевательства молча, не удивляясь и не протестуя: тактика у Дунайского оставалась прежняя.

– Напрасно время теряете, – продолжал куражиться обвиняемый. – Борин-то гуляет на свободе. И небось посмеивается...

– Вот вы назвали себя честным человеком, – сказал Гольст. – А стараетесь очернить друга. Некрасиво, гражданин Дунайский... У Борина – алиби.

– Ну, не Борин, так другой, – раздраженно отмахнулся Дунайский. – Действительно, почему на нем свет клином сошелся? Может быть, Петров, а может – Сидоров. Откуда мне знать? Это может сказать только Нина... А вы не подумали, гражданин следователь, – вдруг участливо заговорил Дунайский, – что жену мог заманить один, а убить и расчленить другой? Хотя нет! Я не верю, что ее нет больше в живых! И повторное заключение судмедэкспертизы тоже ошибочно! Это говорю вам я, судебный медик!...

Георгия Робертовича удивила быстрая смена настроения Дунайского. Что это – хорошо продуманное поведение, игра? Или...

– Послушайте, – спросил следователь у обвиняемого, – у вас в роду никто не страдал психическими заболеваниями?

Дунайский оторопело посмотрел на Гольста. Потом рассмеялся:

– Неумно, гражданин следователь. Шито белыми нитками. – И серьезно продолжал: – Все здоровы и в своем уме... А ход вы придумали неплохо: Дунайский того, с приветом, его можно в психиатричку. Признать меня шизофреником и списать таким образом собственное бессилие, ошибки и грехи... Так я вас понял?

– Нет, не так. Я ведь действительно не могу понять, из каких соображений вы убили жену. Между прочим, вы это сделали в ночь с одиннадцатого на двенадцатое июля...

– Смотрите-ка, – поцокал языком Дунайский. – Ну-ну, фантазируйте дальше.

– Я просто восстанавливаю картину, строго придерживаясь известных мне фактов... Одиннадцатого июля был канун выходного дня. Полная гарантия, что в квартире с вечера никого не будет. Жарикова в деревне, а Брендючков обязательно уже на даче... Для вашего страшного дела требовалось время. Целая ночь... А на следующий день вы четыре раза выходили из дому вот с этим чемоданом, ехали на Ярославский вокзал... Раз сошли на Яузе, второй – в Болшеве... Впрочем, точный порядок я не знаю, но это не меняет суть дела... Послушайте, вы человек сведущий в законах и знаете, что для определения меры наказания имеет значение: почему и в каком состоянии совершено убийство... Объясните, пожалуйста. Это ведь в ваших интересах...

Дунайский, слушавший следователя с крепко сжатыми губами, ответил каким-то жестяным, надтреснутым голосом:

– Я не убивал. И мне не в чем признаваться.

– Признаетесь вы или нет – тоже не имеет значения. Собранные по делу улики и факты полностью изобличают вас. И это вы тоже знаете отлично...

У Гольста были сомнения по поводу психической полноценности Дунайского, и он направил его на стационарное обследование в Институт судебной психиатрии имени Сербского.

Проверил Георгий Робертович и последнее показание обвиняемого, утверждавшего, что кровь в чемодане была якобы от вещественного доказательства (кисть руки), которое он вез в лабораторию.

Гольст поднял дело Караваева. Суть его была такова. Шайка грабителей, которой руководил рецидивист Караваев, заподозрила одного из своих членов, что тот «заложил» дружков в милицию. Был учинен самосуд – провинившемуся отрубили руку. Вот по этой находке в Марьиной роще работники уголовного розыска и вышли на всю банду. Судебным экспертом в этом деле являлся Дунайский.

Но он, прямо скажем, с Гольстом просчитался. Кровь пострадавшего члена шайки была первой группы!

Таким образом, круг замкнулся. У следователя не было ни тени сомнения, что в чемодане, найденном на чердаке, Дунайский вывозил за город части трупа своей жены.

Оставался один невыясненный момент – мотив убийства. Но тут Гольсту пришла на помощь, можно сказать, сама судьба.

Это было перед праздником 1 Мая. Столица оделась в праздничный наряд. Площади Москвы были красочно оформлены, и по вечерам толпы людей ходили смотреть их убранство. Площадь Восстания была оформлена на тему «Оборона СССР». Площадь Маяковского – посвящена физкультуре и спорту. Другие рассказывали о достижениях в промышленности, сельском хозяйстве, науке, образовании, культуре.

В канун Первомая в кабинете Георгия Робертовича раздался телефонный звонок.

– Товарищ Гольст, разрешите вас побеспокоить.– Это был старомодно вежливый Брендючков.– Наш герой в Москве,– приподнято-торжественно объявил он.– Вы меня просили позвонить, если объявится Алексей... Ну, мой племянник...

– Просил.

– Вчера он приехал наконец-то.

– Спасибо... Я бы мог с ним встретиться?

– Конечно.

– Где он остановился?

– В гостинице «Москва»...

Ипполит Васильевич продиктовал следователю номер гостиничного телефона.

Гольст колебался: стоит ли беспокоить летчика в канун праздника. Тем более Брендючков сказал: «герой»...

Но все-таки Георгий Робертович позвонил. Алексей согласился встретиться, и через полчаса Гольст уже входил в просторный номер самой лучшей гостиницы столицы.

Стол был заставлен дорогими закусками, бутылками шампанского, везде

стояли букеты нарциссов – первых весенних цветов.

Навстречу следователю поднялся с дивана коренастый парень в форме военного летчика с тремя кубиками старшего лейтенанта и новеньким орденом Красной Звезды на груди. Лицо у него было загорелое, лишь часть лба и висок неестественно белели – шрам ожога.

– Алексей Бойченко, – протянул он руку следователю и, открыто улыбнувшись, кивнул на стол: – Друзья только что ушли. Поздравляли. Вы уж извините. Но такое событие! Сам Михаил Иванович сегодня мне в Кремле... – Он глянул сверху вниз на свой орден.

– Поздравляю, – сказал Гольст, ругая себя за то, что не отложил встречу на более подходящее время. – Это вы меня извините. Может быть, встретимся потом?

– Садитесь, садитесь... У меня уйма времени. – Он улыбнулся. – До вечера... Простите, как вас по имени-отчеству?

– Георгий Робертович.

– Может, по случаю?... – взял он бутылку шампанского. – И за наступающий праздник?

– Благодарю, – колебался Гольст: случай действительно важный, не обидеть бы героя – орден из рук самого Калинина. – Давайте сначала о деле...

– Давайте о деле, – с сожалением ставя бутылку, сказал летчик. Было видно сразу, что ему хотелось угощать сейчас весь белый свет.

Георгий Робертович попросил его рассказать о том, что Бойченко слышал и видел, когда жил в последний раз у Брендючкова, то есть летом прошлого года.

– Это о том враче и его жене? Дядиных соседях?

– Да.

– Они еще не разошлись? – спросил Алексей.

– Почему вы думаете, что они должны разойтись? – вопросом на вопрос ответил следователь.

– Как она только с ним живет, не понимаю... Молодая, интересная... А он – какой-то судак с оловянными глазами.

– Вы с ней говорили?

– Только здоровались на кухне. Дядя предупредил меня, чтобы не заглядывался... И действительно, этот врач – какое-то ископаемое! Ревнует ее зверски! Вы бы слышали, какими словами он обзывал свою жену...

– А по какому поводу была ссора?

– Да я только отрывки фраз слышал. Через стенку ведь... Но речь шла о мужчинах. Точно. Кричал, что путается, мол, со всеми его друзьями... Потом слышу – удар. И еще... В общем, Отелло расвирипело... Хотел я выскочить и вломить ему хорошенько. Еле удержался... Потом подумал: встряну – еще хуже будет...

«Неужели Дунайский убил все-таки из-за ревности?» – думал Гольст, слушая Алексея.

– А она что? – спросил следователь, когда Бойченко замолчал.

– Плакала. Кричала, что уйдет, бросит... Вроде того... Врач в ответ: уходи,

мол, к сестрице своей и ее мужу-вору...

– Вору? – переспросил Гольст.

– Да, вору... Этот врач еще кричал, что сообщит о нем в милицию. А она, то есть Нина, заявила в ответ, что расскажет о его братьях-контриках...

– Как, как? – насторожился следователь. – Повторите, пожалуйста, что она сказала?

– О братьях, говорит, сообщит куда-то, контриках. Вот после этих слов он и ударил ее, сказав: замолчи. А она в ответ: что, испугался? Вот сообщу, мол, и тебя с работы выгонят...

Гольст вдруг понял: кажется, это и была развязка.

– Он ее бил и все приговаривал: «Будешь говорить, будешь?» Потом все стихло... Я до сих пор жалею, что все-таки не вмешался. Знаете, что остановило? Дядя меня умолял ни во что не вмешиваться. И так в квартире на него косо смотрит кое-кто. – Алексей помолчал и заключил: – Нет, надо было все же этому Дунайскому преподать хороший урок!...

Гольст ушел от Бойченко в сильном возбуждении. И не от бокала шампанского, который все-таки заставил его выпить счастливый летчик. Сведения Алексея ставили теперь все на свои места. Значит, Нина узнала о Дунайском такое, что могло его скомпрометировать на службе. Может быть, даже погубило бы всю его карьеру...

«Братья-контрики, – вспоминал Гольст, шагая через праздничную Красную площадь. – Но не выдумка ли это Амировой?»

И как бы ни хотелось Георгию Робертовичу поскорее проверить, что кроется за этими словами, приведшими Дунайского в бешенство, приходилось откладывать выяснение на несколько дней из-за праздников.

...Третьего мая с утра Гольст послал запрос в ОГПУ. Ответ пришел через несколько дней. В нем сообщалось, что в декабре 1935 года братья Дунайского – Варфоломей Ипатьевич и Александр Ипатьевич – были осуждены за контрреволюционную деятельность, проявившуюся в поджоге элеватора. К ответу была приложена копия приговора суда.

Георгию Робертовичу удалось установить (через Жарикову), что в мае прошлого, 1936 года, к Дунайскому приезжала жена одного из братьев. Дунайский о чем-то долго говорил со своей родственницей наедине, выставив Нину на кухню. В тот же день приезжая покинула квартиру заплаканная. Жарикова слышала, что Дунайский якобы сказал ей, чтобы она больше не появлялась...

Гольст отправился на работу Дунайского и спросил у кадровика: известно ли им, что два брата Дунайского осуждены за контрреволюционную деятельность?

– За контрреволюционную?! Как? Когда?

Гольст ознакомил его с ответом из ОГПУ.

– Так, значит, Дунайский вам не сообщал? – уточнил следователь.

– Даже не заикнулся! Да если бы мы знали... Духу его тут же не было бы! Вот гад! – возмущался кадровик. – Притаился! Значит, пробрался к нам, чтобы изнутри помогать контре! Врагам! А вы, товарищ Гольст, здорово его... Теперь, выходит, дело передадите в ОГПУ?

– Зачем? – охладил пыл не в меру ретивого служаки Георгий Робертович. – Братья за свое ответили, а он будет отвечать за себя, за свои действия...

Следует сказать, что подобный совет – передать дело Дунайского в ОГПУ – давал еще один товарищ из прокуратуры. Баба с возу, как он выразился, кобыле легче. Все это Георгию

Робертовичу было не по душе. Дунайский – уголовный преступник и должен предстать перед судом как убийца.

То, что ответ тому придется держать, Гольст уже знал: в Институте имени Сербского Дунайского признали психически нормальным, способным отдавать отчет в своих поступках.

На последнем допросе Георгий Робертович сказал Дунайскому:

– Для меня теперь все ясно: вы убили жену, боясь, что она заявит на работу о ваших братьях... К тому же вы еще и трус. Даже побоялись протянуть руку помощи жене брата, выставили ее за дверь.

Дунайский ничего не ответил на это и снова категорически отрицал обвинение в убийстве жены.

И вот теперь, когда все точки над *i* были поставлены, Георгий Робертович вызвал обвиняемого под конвоем в прокуратуру для объявления ему об окончании предварительного следствия и предъявления материалов дела.

Гольст обратил внимание на его застывшее лицо, оттопыренные уши, на холод его тусклых глаз. Дунайский был тщательно выбрит, аккуратно подстрижен и причесан, одежда его была опрятна. Речь медлительна и размеренна. Этакая кротость... Но Георгия Робертовича все это не могло обмануть. Он чувствовал: Дунайский не успокоился, только притаился. Забегая вперед следует сказать, что и после суда он продолжал писать жалобы, в которых чернил следователя и суд.

Когда обвиняемый закончил знакомиться с делом и его уводили, Дунайский обернулся и сказал Гольсту:

– А что вы будете делать, если во время суда откроется дверь и войдет Амирова?

На секунду глаза его полыхнули мстительным огнем.

Но Нина Амирова не вошла в зал суда. Она не объявилась и после суда. Ни через год, ни через пять, ни через сорок лет. Да и не могла объявиться. А ее убийца понес заслуженное наказание.